

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**
L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 1/49.

ЯНВАРЬ 1938.

№ 1/49.

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат — Тюркизм, Турция и Кавказ.	Д. Дагестани — Германский фашизм в Иране.
Г. Квинитадзе — Правда о Батуме.	В. Эмухвари — Денежная политика довоенной Германии.
З. Авалишвили — От Сан-Стефано до Батума.	Вести с родины.
Ш. Амидержиби — Их "документ".	Обзор печати.
	Хроника.

28 января 1938 г.

ТЮРКИЗМ, ТУРЦИЯ И КАВКАЗ ДРУЗЬЯ, проживающие в Турции, обратили наше внимание на две статьи, недавно появившиеся в истамбульской газете "Сон-Поста".

Статьи эти — полный перевод которых читатели найдут в нашем "Обзоре печати", принадлежат перу видного турецкого журналиста Мухиттина Биргена.

Имя г. Биргена не безызвестно читателям "Кавказа". В корреспонденции

А. Кантемира "Турция и Азербайджан", помещенной в № 47 нашего журнала (ноябрь 1937 г.) были приведены обширные выдержки из серии статей, посвященных г. Биргеном истории партии "Единение и Прогресс", в частности "бегству ее лидеров Талаата, Энвера и Джемала пашей, их жизни и деятельности за границей". В этих статьях было отведено не мало места Кавказским республикам, в особенности Азербайджану, к которому автор питает особые симпатии и где он провел несколько лет.

Г-н Бирген, первый, насколько нам известно, подчеркнул в турецкой печа-

ти своеобразный характер азербайджанского тюркизма, составляющего, по его выражению, "с точки зрения политической и исторической совершенно особый мир".

Вспоминая, что в процессе великой войны Блистательная Порты как будто хотела взять под свою опеку Кавказ и Азербайджан, компетентный турецкий публицист, сам в ту пору бывший близким к оттоманским правительственным кругам, авторитетно свидетельствует, что "эта политика была отвергнута самим Азербайджаном".

В объяснение этого факта г. Бирген замечает: "Есть много причин этому: во первых, — в Азербайджане, хотя население там и турецкое, преобладает кавказское сознание и новой культурой азербайджанские народные массы прониклись гораздо глубже, чем наши народные массы, а во вторых: — на Кавказе существует не один Азербайджан; жизнь Азербайджана самими, тесными нитями связана с одной стороны с Дагестаном (т. е. с Северным Кавказом), с другой с Грузией"...

Мы отдали в свое время дань признания осведомленности автора и тонкости его наблюдений, хотя, откровенно говоря, были не мало шокированы неожиданными его выводами.

Выводы эти, кстати находящиеся в полном противоречии с его собственным анализом, сводились к советам умеренности по адресу Советской власти и к выражению уверенности, что, если Москва "предоставит азербайджанским тюркам возможность развития их национальной культуры, этого будет достаточно для устранения оппозиции"...

На этом оптимистическом для Сове-

тов заключении едва ли стоит останавливаться. Оно не делает чести политической прозорливости почтенного публициста. Мы склонны думать, что продиктовано оно скорее чуждыми теме дипломатическими соображениями, чем неумением автора сделать надлежащие выводы из собственных предпосылок.

В статьях г. Биргена, представляющих несомненно большой интерес для турецкой читающей публики, мало знакомой с кавказской политической действительностью, нас, кавказцев, естественно больше всего заинтересовала та часть, где автор говорит об отношении к кавказской проблеме политических кругов Турции. Мы не знаем, в какой степени редактор газеты "Сон Поста" квалифицирован, чтобы отражать настроения правящих кругов Анкары, но его ясные, чеканные формулы, касающиеся турецко-кавказских отношений, полны животрепещущего интереса и мы не можем удержаться от искушения, повторить здесь некоторые из них.

"Турция прекрасно понимает, пишет г. Бирген, что нет никакой возможности ей связаться политическим единством с Азербайджаном. Нелепо даже думать об этом. Новая Турция не империалистична. Ататюрк указал причины этой позиции: Турция является государством, родившимся в борьбе с империализмом, всегда задерживавшим ее развитие. Турция базирует свою политику на принципах равенства, доверия и взаимного уважения между нациями... Новый идеал Турции это патриотизм и спокойная жизнь в пределах национальных границ.

В силу этих соображений в отношении Азербайджана Турция не имеет какой-либо национальной идеи империалистического характера. Единственное желание Турции заключается в том, чтобы Азербайджан был самостоятельным, культурно процветал, сохранив свое национальное бытие как тюркское племя" (подчеркнуто нами. Г. Б.).

Эти простые, и веские слова было полезно сказать.

Сказаны они к тому же в свое время. Быть может они внесут некоторое успокоение в среду тех кавказских эмигрантских группировок, которым в последнее время наши политические противники усердно стараются внушить мысль о "турской опасности".

* * *

Перейдем однако к статьям "Пантюркисты, посторонние тюркизму" и "Тюркизм за пределами Турции", вызвавшим такое сильное и, надо признать, вполне справедливое раздражение кавказской и туркестанской политических эмиграций в Турции.

В первой из названных статей повествуется о том, что "за последнее время в некоторых частях света заметен сильно бьющий в глаза пантуранизм, или в более тесном смысле пантюркизм". Г-н Бирген называет эти части света. Речь идет об Японии, Германии и Польше...

Если в действиях Японии, выступающей в качестве паладина азиатских свобод, начертавшего на своем знамени лозунг "Азия для азиатов", можно еще усмотреть признаки расовой политики, то едва ли комунибудь может серьез-

но придти в голову искать следы пантюркской идеологии в симпатиях известных политических кругов Германии и Польши к угнетенным народам России...

Тонкий политический обозреватель г. Бирген прекрасно знает, что истина заключается в том, что в некоторых европейских странах — число их, слава Богу, с каждым днем растет — действительно существуют круги, которые, вполне основательно полагают, что без справедливого разрешения вопиющих национальных проблем на Востоке Европы и освобождения закабаленных Москвою народов не может быть достигнуто ни прочное мировое равновесие, ни обеспечена безопасность их собственных государственных границ.

Отсюда понятный интерес и в названных г. Биргеном странах отнюдь не к одним тюркским, но ко всем решительно угнетенным народам России, которые по своему геополитическому положению могут серьезно претендовать на независимость. В европейской печати, между прочим, в связи с этими концепциями приходится гораздо чаще слышать имена Украины, Грузии и Армении, чем Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и т. д.

Все это общеизвестно и непонятно для чего понадобилось г. Биргену обволакивать идеологическими туманами столь простой и четко поставленный вопрос?

Не для того ли, чтобы измыслив "бьющий в глаза пантюркизм" в странах, где по природе вещей он произрастать не может, обвинить Германию и Польшу в том, что ими руководят "не столько искренние симпатии к народам тюркского племени, сколько желание ослабить Россию"?

Но разве стремление ослабить Россию не служит национальным интересам поработанных народов и не является *conditio sine qua non* их эмансипации?

Каким образом без ослабления России мыслит г. Бирген их освобождение?

Конечно, великие державы, стремящиеся к ослаблению России путем создания на ее территории ряда независимых национальных государств, руководствуются не платоническими побуждениями, а преследуют собственные эгоистические выгоды!

Но это то нас как раз и радует. Ведь именно это наличие эгоистической заинтересованности внешних сил в реализации нашего национального идеала дает нам одну из наиболее веских гарантий близкого торжества нашего правого дела...

Наш умудренный опытом друг лучше, чем кто либо знает, что в международных отношениях ничто не делается "ради прекрасных глаз". Конечным двигателем практической политики всех держав, в том числе и тех, которые ежедневно полощут горло лицемерной жевневской словесностью, является жестокий национальный эгоизм.

Это международный закон наших дней, обязательный для всех. Ему охотно подчиняется и сам г. Бирген, когда взаимоотношения Турции с соседями, в частности с Кавказом, желает строить не на идеологических предпосылках, а на реальных интересах своей страны.

Далека от нас мысль упрекать за это г. Биргена.

Мы охотно признаем, что при нынешнем культурном уровне человечества нет лучшего цемента для дружеских международных связей, чем совпадение

здоровых эгоистических интересов. И такое совпадение национального идеала многих миллионов подъяремных турок с реальными интересами в Восточной Европе и в Центральной Азии наиболее динамичных великих держав, казалось должно было бы дать г. Биргену большое моральное удовлетворение.

Однако высокочтимый редактор "Сон Поста" никакого удовольствия не испытывает. Наоборот, он очень обеспокоен и не скрывает своей тревоги.

Публицист еще так недавно и столь красноречиво свидетельствовавший, что "турецкие массы Азербайджана прониклись культурой гораздо глубже чем наши массы", неожиданно заявляет: "эти области, в наш век еще не созревшие к самостоятельной национальной жизни, в конечном счете обречены считаться собственностью того, кто им дает "самостоятельность и следовательно им не избавиться от его влияния и господства".

Такая, неизвестно чем вызванная, но радикальная переоценка ценностей, дает г. Биргену возможность затем сказать, что ему "представляется наиболее разумным, чтобы турки склонились перед реальными фактами истории и стремились в условиях этой реальности к обеспечению себе лучшего бытия".

Если перевести эту витиеватую фразу на обыкновенный язык, это означает, что азербайджанские турки и другие неразрывно с ними связанные народы Кавказа, находящиеся под русским игмом, должны склониться перед "этим реальным фактом истории" и, отказавшись от всяких притязаний на национальную независимость, найти общий язык со своими поработителями...

Из опасения больше чем проблема-

тического, географически неосуществимого, господства на Кавказе Японии, Германии и Польши, г. Бирген рекомендует народам Кавказа примириться с кровавой тиранией страны, которая не только держит в тисках рабства, нашу родину, но непрерывно заливают ее волнами мужицкого моря... Известному турецкому публицисту повидимому не приходит в голову, что эти волны, через какихнибудь 20-30 лет, быть может гораздо скорее, окончательно захлестнув Кавказ, перебросятся на широкие Анатолийские просторы...

Такое "дружеский" совет редактора "Сон Поста" народам Кавказа!

Г-н Бирген вероятно искренно удивится, если в ответ на эти советы услышит от кавказцев: "Избави Бог нас от таких друзей, от врагов мы сами как-нибудь избавимся".

**

Обращаясь к тюркским народам Советского Союза и предостерегая их против эгоистических видов держав "посторонних пантюркизму", г. Бирген заявляет: "тюрки обязаны падать и подниматься собственными силами", они ни в коем случае не должны пользоваться помощью посторонних сил, ибо... "так повелевают законы естественного развития, которым подчинены народы".

Звучит эта фраза конечно весьма гордо — но не трудно заметить, что за дешевым, театральным блеском ее таится... пустое место. Установленный редактором "Сон Поста" закон "естественного развития народов", противоречит историческим фактам...

Не будем удаляться вглубь времен.

Ограничимся двумя последними столетиями.

За этот промежуток времени целый ряд больших и малых наций сумел эмансипироваться и завоевать свою независимость.

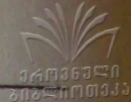
За исключением примера Швеции и Норвегии, мы не знаем ни одного случая, когда бы народы, имевшие несчастье "пасть", как выражается г. Бирген, сумели "подняться" без внешней помощи.

Начиная с Северо-Американских Соединенных Штатов, которым, конечно, не столько из платонической любви к свободе и демократии, сколько из политического соперничества с Англией, оказала могущественную поддержку угасавшая французская монархия и кончая государствами, возродившимися или вновь возникшими в результате последней великой войны — все освободившиеся от чуждого ига народы могли осуществить свой национальный идеал исключительно благодаря военно-политической и экономической поддержке внешних сил.

Пусть вспомнит г. Бирген, которому особенно хорошо должны быть знакомы факты турецкой истории, в какой обстановке и под влиянием каких факторов возродились к государственной жизни на протяжении 19-столетия многочисленные народы, входившие в состав Османской Империи...

Уважаемой публицист вероятно не откажется признать, что ни один из этих народов не находится ни под господством, ни даже под исключительным влиянием тех держав, которые помогли его возрождению.

Что же касается того, что народам

тюркского племени в борьбе за свою независимость недостойно пользоваться мужей помощью, то будет позволено нам задать высокочтимому турецкому публицисту вопрос, где была бы сегодняшняя Турция, если бы она, следуя великолепному совету, даваемому им тюркским народам, живущим за пределами его родины, "склонила перед таким реальным фактом истории" — как напр., был Севрский договор и подобно Дамад Ферид паше согласилась искать "улучшения своей участи в условиях этой реальности".

Озираясь на недавнее прошлое турецкой истории, мы должны без обвинков сказать, г. Биргену, что его малодушным советам мы предпочитаем героический пример Ататурка, который не "склонился" перед унижительными для его родины фактами истории — а подчинил эту историю своей воле.

В титанической борьбе, которую вынуждена была Турция выдержать для отвоевания своей независимости творец современной Турции не поколебался взять необходимую ему помощь всюду, где он мог ее найти...

Или г. Бирген серьезно думает, что русский "пантюркизм" той эпохи был более искренним, чем германо-польский "тюркизм" наших дней?...

**

"Пантуранизм, пишет г. Бирген, в конце концов есть ничто иное как вымысел, вроде "снежной халвы". Это фантазия, больше ничего"...

"Практикуемая турецким правительством в отношении Советской России политика представляется правильной, уместной и очень соответствующей интересам Турции".

Мы не склонны оспаривать точку зрения г. Биргена. Только нам кажется, что было бы правильнее всю эту тираду написать в прошедшем времени... Во всяком случае на этих страницах нам неоднократно приходилось высказывать убеждение, что политика дружбы Анкары с Москвой, так болезненно отражающаяся на душевных переживаниях нашей эмиграции, не только была оправдана исключительными условиями, созданными войной и русской революцией, но являлась единственной политикой, которую новая Турция могла вести... до поры до времени.

Но мы всегда утверждали, утверждаем это и сейчас, что с течением лет, с нормализацией и усилением государственной власти в России, и возвратом ее в Европейский концерт — русское правительство, какого бы оно ни было цвета и как бы оно ни именовалось, неминуемо вернется к традиционной политике экспансии на Восток и к Проливам... политике, неизбежной жертвой которой рано или поздно должна стать Турция...

В нашей политической концепции, которую мы неоднократно излагали на этих страницах, провиденциальная роль независимого Кавказа заключается именно в том, чтобы на историческом стыке между Европой и Азией сделаться прочным барьером против разрушительной русской стихии, чтобы на этом опасном перешейке стать фактором международного равновесия и мира...

Нам думается, что естественный ход политических событий неминуемо приведет к тому, что турецкая общественная мысль фамилиаризируется с признанием чрезвычайной важности кавказского фактора не только для обеспечения

безопасности государственных границ Турции, но и для самого национального ее бытия...

Мы отнюдь не принадлежим к тем, которые предъявляют Турции какие то сантиментальные счета.

Г-н Бирген с искренним волнением вспоминает о дружественном приеме, оказанном туркам в 1918-1919 гг. в Азербайджане (было бы справедливо сказать тоже самое и о Сев. Кавказе). Это свидетельствует о деликатности его чувств и мы считаем приятным долгом публично засвидетельствовать ему здесь наше уважение и признательность.

Но этот прием, совершенно естественный со стороны дружественных и родственных народов никаких титулов в отношении Турции для нас не создает.

Мы слишком хорошо помним и никогда не забудем той крови, которую пролили у нас турецкие аскеры в совместной борьбе против красных и белых оккупантов нашей территории...

Этого священного долга никаким гостеприимством отплатить нельзя.

Само собою разумеется, нам никогда не приходило в голову делать ответственным турецкий народ за прискорбные деяния некоторых политических авантюристов, которых так жестоко заклеил в своих блестящих фельетонах редактор "Сон Поста".

Совершенно также, как и г. Бирген, мы исключаем из политического оборота все сантиментальные предпосылки. Как и он, мы хотим строить наши взаимоотношения с Турцией отнюдь не на кровном и культурном родстве с турками некоторых кавказских народов, а исключительно на государственно-политических интересах обеих стран.

Необходимо, чтобы турецкое общественное мнение твердо знало, что никакой тюркской расовой политики мы на Кавказе не делаем. (И незачем следовательно г. Биргену искать заслуг перед "тюркизмом" у руководителей нашего журнала).

Совершенно верно, что народы тюркского происхождения составляют на Кавказе весьма значительное меньшинство. Не подлежит сомнению, что влияние турецкого языка и культуры весьма значительно не только в Азербайджане, но и в мусульманской Грузии и на Сев. Кавказе, где приблизительно 20% населения принадлежит к тюркскому племени...

Но как вполне основательно отмечает г. Бирген, у этих кавказских тюрок, помимо естественных тюркских эмоций, создающих неразрывные культурные связи со всем тюркским миром, есть свое собственное кавказское политическое и государственное сознание.

Это сознание связывает их с непосредственными их соседями горцами Сев. Кавказа не тюркского корня, с которыми в течение многих сотен лет совместной жизни они совершенно амальгамировались, с грузинами и с армянами.

Эти нетюркские элементы в общей сложности вместе с пришлыми русскими и другими инациональными элементами составляют большинство кавказского населения.

Большинство политически высоко сознательное и активное...

Географические же и экономические условия Кавказа с другой стороны таковы, что всякая политическая дифференциация страны неизбежно приведет кавказские народы к абсолютно неразре-

шимым, вне принципа государственного единства, территориальным разногласиям и спорам, в результате которых Кавказ очень скоро вновь делается легкой добычей России...

Такая перспектива, убийственная для

народов Кавказа едва ли отвечает и правильно понятым интересам Турции. Но об этом мы уже писали много раз — и очевидно будем писать и еще.

Гайдар Баммат.

Г. КВИНИТАДЗЕ

Правда о Батуме

Я ПОЛАГАЛ, что обвинение, или вернее, инсинуация, инкриминирующая журналистам "Кавказ", "Кавкасия" и их сотрудникам, будто они передают Турции не только Карс, Ардаган, Артвин, но и Батум, получила исчерпывающий ответ в последних номерах названных журналов. Там же с достаточной ясностью было указано, что возмущаются(?) теперь именно и больше всех те, кто как раз подписали передачу Турции не только Батума, Карса и Ардагана, но и Ахалциха и Ахалкалак.

Я полагал, что больше не придется братья за перо по этому вопросу, но появившееся в газете "Независимая Грузия" "раз'яснение" правительства Ноя Жордания побуждает меня еще раз, и, хочу думать, в последний — высказаться по этому вопросу. Примечательно, что правительство в своем "раз'яснении" цитирует текст из немецкого журнала "Дер Кауказус" и с лукавством завляет, что добавление к этой статье ни кем не подписано и вряд ли написано мной, но что после мною сказанного в № 7 журнала "Кавкасия" яс-

но, что если это добавление и не мое, то во всяком случае мной исповедуется.

Кстати, в этом добавлении нечего и исповедовать, там приведена справка, из которой явствует, что Батум был занят турецкими войсками, с согласия нашего правительства и что прокламация Кязимбея не была для правительства неожиданностью.

Всю эту предпосылку незачем было делать, ибо моя статья в подлиннике появилась уже давно, в русском, более доступном для нашего правительства издании, журнала "Кавказ" в № 30-31 (июнь-июль 1936 г.), т. е. полтора года тому назад, и там ясно указано, что примечания, на которые теперь ссылается правительственное "раз'яснение", принадлежат редакции.

Интересно, что правительственное раз'яснение появилось с опозданием в полтора года. Ясно и достаточно симптоматично. Замечу, что в официальном правительственном "раз'яснении" не место такими "стрелам", — это не серьезно.

Теперь по существу. Правительство в

своем раз'яснении указывает, что оно получило 23 февраля 1921 года ультиматум от турок, в котором требовалось очищение нашими войсками Ардагана и Артвина, и что оно было вынуждено очистить от наших войск эти районы, в виду невозможности сопротивляться. 23 февраля 1921 года там никаких наших войск не было и значит — не от кого было очищать. Следовало бы опубликовать этот турецкий ультиматум.

Г-н Гварамадзе, тогдашний начальник Ардаганского округа, утверждал, что получил приказ **передать** округ туркам, а не очистить, это не одно и то же. Во всяком случае отметим, что ультиматум был принят.

А ведь следовало бы не принимать этого ультиматума, и тогда не пришлось бы разрешать турецким войскам вход в Батум.

Но ясно, что если бы турки заняли силой Ардаган, Артвин и Батум, а не с согласия нашего правительства, то был бы отрезан последний путь отступления ...в Европу.

Отмечу, что об этом, пред'явленном турками, ультиматуме я, тогдашний главнокомандующий грузинской армией, узнал лишь прочтя вышеуказанное правительственное "раз'яснение", уже здесь, в Париже, в 1938 году. Напротив, правительство Н. Жордания во время боев под Тифлисом ежедневно уверяло меня, что турки наши друзья и что "сегодня вечером", "завтра утром" турки выступают против большевиков, т. е. обнадёживало главнокомандующего турецкой помощью.

Становится странным, как можно было после такого, вряд ли дружелюбно го акта, каким был ультиматум о пере-

даче Ардагана и Артвина, не только дать разрешение на вступление в Батум турецких войск, но и допустить представителям Турции дальнейшее пребывание при нашем правительстве.

Что то не так, где то тут "зарыта собака"!?

Вступление турецких войск в Батум также оказалось для главнокомандующего сюрпризом.

Я приехал 12 марта в Батум, дабы организовать оборону нашего последнего оплота. Проезжая в поезде по городу я через окно увидел циркулирующие турецкие патрули. Приехав на площадь Азизие, я сейчас же спросил председателя нашего правительства, что это значит. Получил тот же тифлисский ответ, т. е. что турки наши друзья, — очевидно ультиматум об Ардагане и об Артвине не произвел никакого впечатления. Кстати, Хуло также было занято турецкими войсками и их части направлялись и для занятия Ахалциха; заняли ли они Ахалцих или их предупредили там уже большевики, сейчас не помню. Важно то, что по нашей территории турецкие войска свободно разгуливали.

Там же в Батуме председатель правительства просил меня не принимать никаких резких мер против турецких войск.

Мне пришлось для некоторого спасения нашего лица хотя бы перед местным населением, приказать, чтобы в нескольких шагах за турецкими патрулями циркулировали и наши патрули.

Числа 14-15 марта наше правительство, повидимому, решило прекратить борьбу с большевиками. Говорю, повидимому, ибо правительство просило меня назначить одного генерала в распо-

ряжение Гр. Лордкипанидзе, посылаемого в Самтредиа, как уполномоченного правительством для переговоров с большевиками.

Мной назначен был генерал Иосиф Гедеванишвили. Несомненно в Самтредиа был заключен какой то договор и подписан Гр. Лордкипанидзе.

Для нас, особенно ввязавшихся в последнюю полемику, опубликование текста этого документа было бы еще интереснее, чем опубликование обращения нашего правительства из Константинополя к европейскому общественному мнению от 27 марта 1921 года, на которое ссылается правительство Ноя Жордания в своем раз'яснении, как на какой-то особый документ.

Опубликование текста договора с большевиками пролило бы свет на многое, и объяснило бы, как появление большевицкого эшелона в Батуме 18 марта, так и прибытие в Батум, 17 марта вечером, большевицкого политрука.

Раз правительство вмешалось в полемику между эмигрантскими журналами, оно должно опубликовать этот документ, тем более, что в своем раз'яснении упрекает меня, что я пишу лишь по воспоминаниям, а не на основании исторических документов.

Я бы просил разрешения правительства заглянуть в их архивы, — уверен, что такого разрешения не последует. Интересны также переговоры нашего уполномоченного г. С. Мдивани, с турецким правительством в Ангоре.

Но ведь такие факты, как поездка Гр. Лордкипанидзе и ген. И. Гедеванишвили в Самтредиа, пропуск нашими войсками большевицкого эшелона через Рионский мост у Соджевахо, появ-

ление в Батуме большевицкого политрука, турецкие войска в Батуме и в Хуло и пр. и пр., не требуют никаких документов, ибо мы все живые свидетели этих фактов.

А вот утверждение правительства, что в ответ на турецкую ноту, 17 марта, требующую передачи им Батума, правительство приказало нашим войскам очистить Батум от турок, несомненно требует опубликования, как турецкой ноты, так и приказа грузинским войскам, тем более, что возвание к европейскому общественному мнению, о котором говорилось выше, текстуально опубликовано.

Приказ войскам о начатии военных действий против турок особо интересен, ибо кому и когда адресован. Я такого приказа не получал, а по обстоятельствам сложившейся обстановки такой приказ не мог быть дан, а, главное, и не мог быть исполнен войсками, уже вышедшими из подчинения нашему правительству, которое фактом своего переезда вечером 17 марта около 10 час. на итальянский пароход "Кирали", отказалось от своих правительственных прерогатив. Был дан лишь другой приказ, прямо невероятный, но о нем скажу позже.

Действительная история такова:

16 марта, часов в 8-9 вечера, генерал-губернатор Батума Гр. Георгадзе явился в вагон правительства (я как раз был там) и очень встревоженный объявил, что в типографии печатается возвание-постановление Кязим-бея, турецкого уполномоченного, аккредитованного при нашем правительстве, в котором Батум объявляется присоединенным к Турции, грузинские войска должны разоружиться и т. д. Гр. Георгадзе добавил, что

уже утром, т. е. 17 марта, это постановление будет расклеено на улицах Батума. Он не знал, что ему делать (тоже симптоматично) и спрашивал указаний.

Правительство не знало, как поступить. Я вмешался и сказал Георгадзе, чтобы он немедленно послал в типографию милиционеров и арестовал бы как издание, так и печатающий персонал. Так и сделали.

17 марта утром в вагон министра иностранных дел г. Е. Гегечкори явился турецкий офицер от Кязем-бея и вручил ему какую то бумажку. Я присутствовал.

Е. Гегечкори взял ее, просмотрел быстро и вернул офицеру, сказав, что такую ноту он не может принять.

Офицер вышел, но уходя, просунул ее под дверь. Этой бумаги я не читал; интересно опубликовать и ее текст, тем более, что это представляет теперь лишь архивную ценность, но весьма важную для освещения нашего спора-полемики.

Теперь о знаменитом приказе военных действий против турок.

Как заявляет правительство вышеуказанная турецкая нота была вручена 17 марта, на что и ответили приказом атаковать турок. Вечером около 10 час. правительство погрузилось на пароход "Кирали". Следовательно, этот приказ мог быть отдан лишь 17 марта.

Обстановка же в Батуме была следующая:

В этот день и накануне ко мне уже приходили, как отдельные офицеры, так и делегации от военных и политических деятелей, просивших моего согласия арестовать правительство. Я отвечал, что не допущу этого и что им придется перешагнуть через мой труп. Однако

я усилил охрану верными своему долгу юнкерами и просил Валико Джугели сделать тоже самое со своими гвардейцами.

Таким образом создавалась угроза для самого нашего правительства со стороны войск и некоторых политических деятелей. Из этого явствует, что никакой приказ потерявшего всякий авторитет правительства не мог быть принят к исполнению войсками. 17 марта уже к вечеру были выпущены из под ареста Сергей Кавтарадзе и прочие большевики, тогда же образовался реввоенсовет, т. е. явилась новая власть. Хотя посадка была назначена на 18 марта, но в виду сложившейся обстановки, очень грозной для правительства, посадка была ускорена и члены правительства погрузились на пароход около 10 час вечера того же 17 марта. Путешествие от площади Азизие на пристань также не обошлось без инцидента и их автомобиль по дороге был обстрелян. Правительство так торопилось, что не удалось сообщить о своем отъезде главнокомандующему.

Как видите, обстановка была не такова, чтобы приказ о начатии военных действий мог быть дан, — да и зачем тогда было садиться на пароход? Следовало бы оставаться на суше, во всяком случае до выяснения результата боя. Наконец, можно было ждать на пароходе. Но выехали из Батума 18-го марта к вечеру, а бой, как известно, закончился лишь 19 марта. Утверждаю, что никакого приказа о начатии военных действий правительством дано не было.

Военные действия разыгрались совершенно стихийно. Как я говорил, я перевел находившуюся в резерве в Нота-

неби дивизию ген. Артмеладзе и ее частями занял форты Батума, Кохабери, Анастурию и др.; на Кохабери между прочим была поставлена артиллерия под командой П. Карумидзе и пушки направлены затем на форт Борхцана, где находились турки. В войсках проявлялось уже недружелюбие по отношению к турецким войскам.

Вечером 17 марта часов около 7, если не ошибаюсь, турецкие войска заняли здание почты и телеграфа, причем были убиты два грузинских офицера. Это обстоятельство передалось в войска, как молния, и еще ночью начали готовиться к бою, а утром 18 марта начался и бой.

Я уехал с берега около 3-4 часов утра 18 марта и около 9 час. того же утра был снова на пристани. Бой в Батуме уже был в разгаре, а большевицкий эшелон подошел к Батуму, но в город не входил и оставался на путях. С пристани я послал двух юнкеров Шохадзе и Николадзе с письменным приказом, в котором требовал от начальников сообщить обстановку. Мои brave юнкера явились в штаб крепости, где встретили генерала Мазниева с красным бантом, который прочитав бумагу, ничего им не сказал. Юнкера пошли через весь город на вокзал, где увидели генерала Цулукидзе Вардена, от которого и принесли письменное донесение. Из этого донесения явствует, что войска никакого приказа о начатии военных действий против турок не получали.

Вечером 17 марта ко мне в вагон ввели только что прибывшего политрука красной армии. Вошел небольшой солдатик с консервами в мешке за плечами, — тип развязного гостиннодворца. Он

мне сообщил, что война кончена и что завтра же он приступает к изданию газеты.

Я повел его в вагон правительства.

Произошла сцена характерная и не лишенная некоторой пикантности. “Товарищ Гегечкори, — говорил политрук, — мы слышали, что правительство уезжает. Зачем? Мы не сделаем вам никакого зла; мы вас всех знаем. И вы, и мы социалисты. Ни вам, ни Жордания ничего не угрожает; вот только Рамишвили пусть убирается со своим особым отрядом, — вы можете быть спокойны”. И далее: “Знаю, теперь, товарищ Гегечкори, будете говорить, почему мы напали на социалистическую Грузию. Но ведь у вас было восстание крестьян и рабочих”.

Кончилось тем, что его уложили спать в купэ, а спустя некоторое время, около 10 час. вечера, правительство уехало.

Итак, наше правительство отказалось от продолжения борьбы с большевиками, когда наши войска находились еще у Саджевахо, заключило в Самтреди договор, подписанный Гр. Лордкипанидзе, специально для этого командированным в Самтреди, и признало его, ибо большевики с нашего согласия прислали свои войска в Батум для его занятия; затем приезд политрука для издания газеты также знаменателен, к этому надо добавить, что арестованные большевики были в Батуме выпущены на свободу и, чрезвычайно знаменательно, что мне был дан приказ не начать военные действия против большевиков, а демобилизовать армию, тоже, вероятно, в исполнение одного из пунктов заключенного в Самтреди договора.

Этот удивительный приказ, как раз обратный приказу о начатии военных действий, я получил от председателя правительства в письменной форме 17 марта. Исполнение этого приказа так беспокоило председателя правительства, что утром 18 марта около 8-9 час., когда я прибыл на пароход "Кирали", он спросил, исполнено ли это, и узнав, что нет, забеспокоился и требовал немедленно его передачи в войска. Ему, конечно, казалось, что произвести демобилизацию очень легкая задача, между тем, это операция весьма и весьма сложная. Как бы то ни было приказ о демобилизации так и не был передан в войска, да и был, по условиям обстоятельств и неисполним и несвоевременен; уже шел бой.

Симптоматична настойчивость пред-

седателя правительства об этой демобилизации войск.

Правительство, принявшее условия своего победителя, должно остаться на своей территории. Оно может покинуть завоеванную врагом территорию, если отвергнет мир.

Но заключив договор в Самтреди и приняв его к исполнению, оно все же покинуло территорию, т. е. лишило себя всех своих прерогатив, даже тех, которые, вероятно, были указаны в этом Самтредском договоре.

Такова правда о Батуме и о поведении нашего правительства, изложенная в ответ на последнее правительственное "раз'яснение", только что последовавшее в Париже.

Ген. Квинитадзе.

3. АВАЛИШВИЛИ.

От Сан-Стефано до Батума

(1878—1921)

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ война 1877-1878 г. велась из-за славян, ради целей России на Балканском полуострове. Итог ей был подведен сначала в Сан-Стефано, наедине между победителем и побежденным, а потом, уже окончательно, в Берлине, на конгрессе великих держав, с Бисмарком в роли "честного маклера".

Кавказский фронт, считавшийся второстепенным, давал однако России возможность угрожать жизненным силам

противника в Малой Азии, и судьба кампании была решена падением, в ноябре 1877 г., вслед за Плевной, и Карса.

Адрианопольский протокол 31 января 1878 г. (н. с.), наметивший предварительные условия мира между Россией и Турцией, постановлял (п. 5), что Ближательная Порта возьмет на себя обязательство возместить России военные издержки и потери. Способы погашения этого долга допускались при этом раз-

личные. В частности, предусматривалось погашение "репараций" посредством территориальных уступок. У Оттоманской Империи было что отдавать. Этот "территориальный" способ возмещения военных расходов допущен был и Сан-Стефанским трактатом.

Сан-Стефанский мирный договор был подписан 3 марта, а по старому стилю 19-го февраля 1878 года, то-есть в годовщину освобождения крестьян Александром Вторым. Выбор дня показывает, какое значение Россия придавала этому трактату — акту освобождения балканских славян. Вынужденный пересмотр его Берлинским конгрессом доставил, как известно, много огорчений победителю. Нет надобности напоминать о его разочарованиях. Наша задача сводится к тому лишь, чтобы вкратце возобновить в памяти читателя некоторые обстоятельства, связанные с отторжением в 1878 г. от Турции и присоединением к России трех знаменитых в новейшей истории не одного Кавказа санджаков — Батума, Карса и Ардагана.

Война 1877 г. считалась освободительной, и "славянские" интересы России весьма обезпечивались по миру созданием вновь или усилением христианских государств на Балканах. Поэтому о территориальных приобретениях оказывалось вообще неудобным говорить. С другой же стороны, победителем было решено, во что бы то ни стало, вернуть себе обратно от Румынии часть Бессарабии, потерянную Россией после Крымской войны в силу Парижского трактата 1856 г., Румынию же вознаграждать Добруджею (отхватив последнюю от Турции), а также обезпечить себе на Кавказе более выгодную в стратегиче-

ском отношении границу. Для этого Турция должна была отдать Карс, Ардаган и Батум, составлявшие, вместе с Эрзерумом, весьма внушительный оплот ее против России в тех краях. Аннексия осуществлялась под маской уступки Турцией этих провинций в погашение долга, т. е. обязанности возместить России военные расходы. Сан-Стефанский договор постановлял, в ст. 19, что в счет возмещения расходов и потерь, вызванных войной, Россия получит "Ардаган, Карс, Батум, Баязет и территорию до Саганлуга". Кстати, причитавшееся России вознаграждение исчислялось в 1.410 миллионов рублей, уступка же трех кавказских округов вместе с санджаком Тульча в Европе (Добруджа) ценилась в 1.100 мил. руб.

Заметим тут же, что в Берлинском трактате 13 июля 1878 г., навязанном Европой России вместо сан-Стефанского договора, отказ Турции от санджаков не связывается с вопросом о военном вознаграждении (ст. 58); но в русско-турецком мирном договоре, подписанном дополнительно к Берлинскому 8-го февраля 1879 г. (н. с.), стоимость уступленных территорий, согласно первоначальному плану вычитывается из общей суммы военного вознаграждения, и остаток определяется в 802.500.000 франков (ст. 1У).

С приобретением трех санджаков Россия получала в Малой Азии, на случай новой войны с Турцией, гораздо более грозное исходное положение, чем то было до войны 1877 года. Рушился треугольник Эрзерум-Батум-Карс, и владения султана в Азии казались теперь недостаточно защищенными, что чрезвычайно беспокоило Англию. Противодей-

ствие, оказанное ею тогда, выступления Дизраэли-Биконсфильда против России, опасения дальнейших успехов ее в передней Азии, вся вообще картина соперничества в те годы этих двух держав достаточно всем знакомы. Но полезно напомнить, что Англия упорно противилась на Берлинском конгрессе чрезмерному усилению России на Кавказе за счет Турции, особенно же водворению ее в Батуме и в Баязете. Владая, например, последним, Россия распорядилась бы караванным путем в Персию (Тавриз) из Эрзерума! и т. д. Компромисс по вопросу о территориальных уступках Турции был достигнут благодаря отказу России от Баязета и от "территории до Соганлуга", иначе говоря, от Алашкертской долины, обезпеченными ей по С.-Стефанскому договору; а с другой стороны она обязалась допустить портофранко в Батуме.

Таким образом, приобретения России на Кавказе после войны 1877-78 гг. ограничились тремя санджаками — Батума, Карса и Ардагана, из которых образованы были просуществовавшие до 1918 г. области Батумская и Карсская.

Насколько значительна была в те времена гревога, вызванная в Турции и Англии ожидавшимся переходом Батума и Карса в руки России, и как живо было опасение, что дело этим не ограничится, и что Оттоманской Империи и английским интересам на Ближнем Востоке угрожают дальнейшие опасности, этому имеется достаточно красноречивый дипломатический памятник в виде конвенции об оборонительном союзе Великобритании и Турции, подписанной в Константинополе 4 июня 1878 г., т. е. накануне открытия занятий Берлинского

конгресса (13 июня). По силе этой конвенции Англия взяла на себя обязательство в будущем, т. е. в случае новой войны, принять участие в вооруженной обороне турецких владений, если Россия удержит в своих руках, т. е. окончательно получит в Берлине Батум, Ардаган, Карс, обещанные ей в Сан-Стефано; или попытается позже овладеть какой либо другой частью владений Султана. С своей стороны Турция согласилась, на оккупацию и управление Англией острова Кипр. А дополнительным соглашением 1 июля того же года было условлено, что если Россия вернет в будущем Турции "Карс и другие завоевания, сделанные ею в Армении во время последней войны", то Англия очистит Кипр, и конвенция 4 июня (см. выше) утратит силу.

Позже, с коренным изменением всей политической обстановки, случилось, что Россия действительно вернула Турции Карс и другие завоевания 1878 г. Это произошло по Брест-Литовскому миру в 1918 году! Однако, Англии не было основания очищать Кипра. В войну 1914 и сл. годов, она оказалась, вместе с Россией, во враждебном Турции лагере, и условная оккупация Кипра превратилась в аннексию. Прокламацией 5 ноября 1914 г. Кипр был присоединен к владениям британской короны. Турция дала свое признание этому акту в Лозанском договоре 1923 г.

В протоколах Берлинского конгресса не сохранилось никаких следов внимания к политическому прошлому трех санджаков, тогда мало кому известному. Не связывались они и с армянским вопросом, несмотря на довольно свободное и не слишком в данном случае оправданное пользование географиче-

ским термином "Армения", по отношению к совокупности этих земель. Что часть отходившей от Турции территории, и часть немалая, входила некогда в состав исторической Грузии и была, так сказать, турецкой Грузией, этого никто, кажется, в Берлине не подозревал. Правда, в одном из заседаний конгресса (6 июля 1878 г., см. протокол № 14), маркиз Сольсбери говорил о нежелании населения Батумского санджака подчиниться русской власти и вспомнил по этому поводу о "храброй мусульманской народности", там обитавшей; но имел он в виду лазов, и говорилось это в интересах Турции.

Санджаки эти снова стали предметом дипломатической хроники, благодаря Брест-Литовскому договору, подписанному 3 марта 1918 г., т. е. ровно в сороковую годовщину Сан-Стефанского мира, в такое время, когда национальное сознание кавказских народов далеко шагнуло вперед, сравнительно с 1878 г.

Постановления Брест-Литовского договора об округах Ардагана, Карса и Батума сводятся к следующему. Русские войска незамедлительно их очистят. Советская Россия обязывается "не вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов". Населению их предоставлено право "установить новый строй в согласии с соседними государствами, в частности с Турцией". (См. ст. 4 Б.-Л. договора).

Постановления эти должны быть сопоставлены с заявлением сделанным в конференции 1 марта (см. стеногр. отчет) о том, что население округов просило, будто бы, Турцию и Германию,

чтобы ему дана была возможность вновь присоединиться к Турции. Вообще, победители, диктовавшие тогда свою волю Советам, старались дать принципиальное оправдание возвращению Турции трех санджаков, уступленных ею в 1878 г., и оправдания этого они искали в "национальном самоопределении". Воспользовались этим обоюдоострым, но модным оружием потому что начало самоопределения было тогда в ходу и в советских кругах, а незадолго перед тем, было провозглашено и в одной из речей президента Вильсона (а именно в речи "о четырех принципах" 11 февр. 1918 г.), следовательно и отторжение санджаков совершалось в согласии с политической мудростью дня. Но вот, что удивительно. Округам, получившим право политического самоопределения, дабы присоединиться к Турции, предложено было "установить новый строй" в согласии не с одной Турцией, но вообще "с соседними государствами". Никаких "соседних государств", кроме Турции, тогда на границах трех округов не существовало. Но если иметь в виду, что на вопрос турецкого уполномоченного в Бресте Хакки-паши: "кому собственно принадлежит Кавказ?". Троцкий дал ответ: "кавказским народам", то придется допустить, что советские дипломаты, под другими, кроме Турции, соседями Карсской и Батумской областей разумели Грузию и Армению, рисуя себе их притом заранее в советских красках. Была в этом, повидимому, попытка демагогии, зондирование чувств "кавказских народов", еще не провозгласивших своей независимости, с целью привлечь их к себе. Впрочем, не станем входить в подробности. О значении доктрины само-

определения в системе Брестского мира достаточно известно. Скажем лишь, что, приспособляясь к лозунгам дня, турки сначала же в возвращении трех санджаков — “турецкой Эльзас-Лотарингии” — видели не аннексию, а лишь исправление совершенной в 1878 году несправедливости. Одновременно обратились однако и к плебисциту, в занятой фактически стране осуществленному по условиям того сумбурного времени весьма кое-как.

Словом, в 1918 г. Турция получила обратно три санджака, но приобретение это оказалось тогда непрочным, в виду поражения к концу того же 1918 г. Германии и ее союзников. По соглашению о перемирии, подписанному в Мудросе (на острове Лемнос), со стороны Турции Рауф-беем 30 октября 1918 г. предусматривалось: очищение турками занятых ими частей Закавказья (однако не одновременно и не безусловно!); упразднение турецкого контроля на участках Закавказских железных дорог, в сфере их оккупации; занятие союзниками - победителями Батума и Баку, передача им контроля железных дорог и пр.

Новым фактором были теперь независимые кавказские республики. И хотя могло казаться, что ничто отныне не помешает утверждению в трех округах власти древних хозяев — Грузии и Армении, на самом деле турки сохраняли по многим причинам возможность продолжать там борьбу за свое влияние и в 1919-1920 гг.

Северский проект мирного договора с Турцией 1920 г. обрекал округа Батума, Карса и Ардагана на включение в состав Грузии и Армении. Республики эти

не успели однако там размежеваться. Впрочем, внешняя история коренного перелома, вызванного полным крушением Кавказской политики великих держав победительниц, перелома, повлекшего за собой уничтожение Севрского договора и падение независимых кавказских республик, достаточно всем памятна.

Но еще раньше вопрос о трех санджаках вновь был поставлен, притом весьма недвусмысленно, турецким национальным движением, вызванным проектами раздела Турции.

Хоть и звучит парадоксально, несомненно однако, что для идейного обоснования борьбы своей за национальное существование Турции пригодились и имевшие тогда огромный вес заявления президента Вильсона. Относящееся к Турции положение знаменитой речи его 8 января 1918 г. о “четырнадцати пунктах” гласило: “турецким частям нынешней Оттоманской Империи должен быть обеспечен прочный суверенитет”, одновременно с предоставлением “возможности автономного развития” подвластными национальностям.

Ответом, в сущности, на поставленный здесь вопрос о “турецких частях Оттоманской Империи” и явился так называемый Ангорский Национальный пакт, с его противопоставлением провинций оттоманского, т. е. преимущественно турецкого большинства владениям Султана с большинством арабским.

Впрочем связь турецкой национальной программы 1919 и сл. годов с Вильсоновой идеологией признана самим вождем национального движения. В одном из своих автобиографических сообщений, Мустафа Кемаль заявил, что на

первых порах и ему хотелось определить границы национальной Турции в соответствии с гуманитарными принципами Вильсона. Но он тут же прибавляет, что опираясь на эти принципы, он отстаивал, т. е. оправдывал границу, которую турецким штыкам удалось установить и защитить*).

Ангорский Национальный Пакт, дело национальных конгрессов 1919 г., принятый турецкими депутатами в Константинополе 28 янв. 1920 г., а Ангорским Большим Собранием в начале 1921 г., являясь главной хартией новой Турции, вовсе не подчеркивает этнической исключительности или абсолютной однородности обновляемого турецкого государства. Он мирится с отходом от Оттоманского государства частей его с преобладающим арабским большинством; но в то же время провозглашает единство и нераздельность остальных территорий, населенных "Оттоманским мусульманским большинством". Вообще в этом пакте (ст. 1) идейная связь с традицией оттоманского Султаната, еще тогда не упраздненного, далеко не прервана. Разумеется, мысль о единстве "турецкой" части бывшей Империи, составляла самую основу национального движения. Она одушевляла участников Эрзерумского Конгресса (июль 1919 г.) и Сивасского Собрания (сент.-окт. 1919 г.) Члены последнего телеграфировали в Стамбул султану: ни клочка земли наших вилайетов армянам или кому бы то ни было!

В пакте 1920-1921 гг. окончательно закреплены: отказ от арабских провин-

*) Воспоминания Гази М. Кемали паши в Ревю де-з-Этюд Исламик. 1927.

ций, т. е. Сирии, Палестины, Ирака и начало неделимости территорий, населенных "оттоманским мусульманским большинством" — большинством, включавшим, надо помнить, не одних турок, но и других; прежде всего курдов, затем черкесов, лавов и т.д. Провозглашая это начало в ст. 1-ой пакта, Ангорское Собрание бросало вызов не только Греции и Армении, но также великим державам, подготовлявшим тогда проект Севрского договора. Последствия этого вызова хорошо известны, и памятен путь, усеянный трупами, от "Севра" до "Лозанны".

Нам необходимо было коснуться вкратце Ангорского пакта, потому что вторая статья его гласит следующее: относительно трех санджаков (Батум, Ардаган, Карс), присоединившихся по всенародному голосованию к отечеству, лишь только они были освобождены (т. е. в 1918 г.), мы допускаем обращение вновь, если необходимо, к свободному и всенародному голосованию.

Таким образом, национальная Турция в вопросе об этих округах оставалась в общем на почве идей Брест-Литовского договора, но упрощала их, довольствуясь формулой: плебисцит. Но по чьему адресу принималась в 1919-1920 гг. эта формула? Конечно, по адресу Армении (Карс) и Грузии (Батум).

На деле вопрос о "трех санджаках" разрешен был не народным голосованием, и не переговорами с соседями, а силой оружия, в обстановке, опять круто изменившейся сравнительно с 1918-1920 гг. благодаря захвату Советами последовательно Азербейджана, Армении и Грузии и благодаря утверждению между Советами и Турцией дружественных, со-

юзических отношений. В ст. 1-ой **договора о единении и братстве**, подписанного в Москве 16 марта 1921 г. и ссылавшегося во вступлении на принцип свободы наций и право каждой из них распоряжаться свободно своей судьбой, стороны подтверждали постановления Национального Пакта 28 января 1920 г., относительно турецкой территории. Этим решалась и судьба санджаков. А в ст. 2-ой заявлялось, что "Турция уступает Грузии свои права суверенитета на территорию, расположенную к северу от границы... (имеется в виду часть прежней Батумской области к северу от новой, тогда установленной, границы), а также город и порт Батум". С этим существенным уменьшением Турция получила в 1921 г. обратно, как в 1918 г. и от того же контрагента, три санджака. Нам нет надобности останавливаться на Карсском договоре октября того же 1921 г., где сторонами являются и советские республики Кавказа.

Историческое значение для Кавказа и для Турции акта, подписанного в Москве 16 марта 1921 г.*) очевидно. Все, что проливает свет на подготовку его, заслуживает поэтому нашего внимания. Между тем, некоторые обстоятельства остаются до сих пор недостаточно выясненными. Каковы, например, были грузино-турецкие отношения в первые месяцы 1921 г., т. е. непосредственно перед вторжением в Грузию советских войск и далее до оставления грузинским правительством 19 марта 1921 г. Батума? Правительство это не могло не знать, что возвращение трех санджаков было одной из целей турецкого движе-

ния; что это требование было выдвинуто уже на конгрессе в Эрзеруме летом 1919 г. Надо полагать, и Национальный Пакт не мог остаться неизвестным правительству независимой Грузии. У него были все способы следить с начала же за борьбой национальной Турции. Оно имело своего представителя при правительстве ангорского собрания, и с посольством этим связывались большие надежды. Каковы были инструкции грузинского представителя, и каково было отношение посланного его правительства к пункту национального пакта о Карсе, Батуме, Ардагане и к вопросу о грузино-турецкой границе?*) . Данных по этому вопросу не имеется. Между тем, нет сомнения в том, что в кругах грузинского правительства очень рассчитывали на турецкую помощь против советского нападения. Это, собственно, и придавало особенное значение и особенный, дружественно-искательный характер миссии, ныне покойного, С. Мдивани в Ангоре. И в этих надеждах не было, по существу, ничего абсурдного, потому, что мысль об оказании помощи Грузии против коммунистов не была чужда турецким националистам, по крайней мере, части их, это достаточно известно. Как писал в 1922 г. хорошо осведомленный французский публицист Морис Перно: "в течение всего 1920 г. и до последних дней марта 1921 г., Ангора колеблется между двумя политиками: оказать помощь Грузии и помешать то-

*) Обмен ратификациями последовал 22 сентября того же года в Карсе.

*) Признавая новое турецкое правительство, притом, повидимому, в особо подчеркнутой форме грузинское правительство признавало в сущности Национальный пакт.

му, чтобы русские большевики водворились победоносно в кавказских республиках; или же помочь русским завоевать Кавказ и поделить с ними плоды" этой операции. Формулировка эта в общих чертах соответствует действительности. Торжество второй из этих политик и выразилось в подписании русско-турецкого договора 16 марта 1921 г. Поворот дела роковой для Грузии и всего Кавказа! О совершении этого акта в Европе, насколько я припоминаю, узнали довольно поздно. В какой момент он стал известным грузинскому правительству? Об этом точных данных не имеется.

Указанные выше два течения турецкой политики можно, отчасти, связать с именами, первое — Бекир-Сами-бей, второе — Юсуф-Кемаль-бей. Взяв верх последний, подписавший, вместе с Чичеринным, московский акт 16 марта. В мае 1921 года первый даже уступил второму руководство иностранными делами. Возможно, впрочем, что в течение некоторого времени, уже после твердого принятия московского курса, т. е. и после акта 16 марта, но до его ратификации некоторые представители Турции продолжали, где надо, действовать или высказываться в духе другой политики; быть может, ловкости ради, т. е. для усыпления внимания? Как бы то ни было, нет сомнения в том, что на помощь турок грузинское правительство надеялось еще в марте 1921 г., т. е. до самого конца своего. Но было бы интересно знать, какие компенсации оно предлагало Ангор за эту помощь?

В заключение позволю себе привести кое-какие записи, сделанные в те огорчительные дни в Париже лицом, близко стоявшим к грузинскому дипломатиче-

скому представительству за границей. Ограничиваюсь, конечно, тем что имеет прямое отношение к теме. Свои пояснения и замечания ставлю в скобки.

24 февраля 1921 г. Телеграммы из Тифлиса и Рима: Ангорское правительство сообщило нашему, что займет Артвин и Ардаган. (О Батуме умолчание. Почему? С большой вероятностью можно предположить следующее: о Батуме в это время велись турецко-советские разговоры в Москве, где подготавливалась уступка Батума **советской** Грузии, в обмен, повидимому, на помощь деньгами и военными припасами, обещанными Москвою туркам: о последнем сообщает и М. Перно. Впрочем, такая уступка оправдывалась и соображениями политического благоразумия. Одновременно, в переговорах между грузинами и другими турками обсуждалась, повидимому, возможность организации обороны против советских войск хотя бы в Батумском районе, совместно с турками, или, может быть, при их нейтралитете).

25 февраля. Послали телеграмму в Лондон (на имя Верховного Совета великих держав, имевшего там в эти дни сессию) с протестом по поводу Артина и Ардагана (следует запись о вручении в этот день грузинским посланником А. Чхенкели верительных грамот президенту Республики Мильерану. О вступлении в этот же день **большевиков** в Тифлис Париж еще не знал).

27 февраля. Прибыли в Лондон (следует длинный ряд заметок о различных встречах в этот и следующие дни, о падении Тифлиса, о наступлении советских войск) 5 марта. Ангорцы звонили из Савой-отеля. 6 марта: А. Чхенкели без меня был у ангорцев, вечером сообщил

ности англичан к нам в настоящее время (16-ое марта 1921 г. поистине знаменательная дата: в этот день подписано и русско-турецкое соглашение. Совпадение не случайное. В 1920 г. политика единения и солидарности, предложенная кавказским республикам лордом Керзоном через г. Ванситтарт, ныне достаточно хорошо известного сэра Роберта Ванситтарт — не удостоилась их одобрения. Позже, очень скоро, Англия на деле предоставила Советам свободу действий на Кавказе. Впрочем, о событиях 1920 г. и о кавказских разговорах в Париже и С. Ремо я подробно писал в другом месте).

18-го марта. Подписан мир между Польшей и Россией. Без известий о положении грузинских войск. Правительство, очевидно, все еще в Батуме.

19-го Чхенкели, вернувшийся вчера (из Лондона) сообщил о свидании своем с Керзоном, 17-го марта. И Керзон вспомнил о Сан-Ремо! Позже мы совещались о том, как быть с турками, с соседями и пр., когда нас, вместе с ангорцами, позовут французы, согласно обещанию Бертело (при всей безнадежности. канитель эта еще тянулась! Впрочем, в 1921 г. в Париже положение не казалось окончательно безнадежным).

20 марта. Совещание у армян. Чхенкели, Сумбатов, я, Агаронян, Хатисов. 3 ч.; совещание у нас: мы трое, Толчибашев с Магерамовым, Чермоев. Тема: конфедерация Кавказа, коалиция с турками.

21 марта... Сидели (те же трое) у Перетти и преподобно беседовали о грузино-турецких делах. — Грузино-турецкое столкновение в Батуме? (в этот день в газ. "Тан" сообщены были депе-

ши собственного корреспондента: 1) от 19 марта, о прибытии турецких сил на северную границу Батумской области; о сохранении там грузинской администрации; о заявлении Кязим-бея, ангорского делегата при грузинском правительстве, что "турки воспротивятся силою оружия всякой попытке красных проникнуть в Батумскую область"; 2) от 20 марта, о денонсировании грузинским правительством соглашения с турками и о начатии ими переговоров с большевиками, о недовольстве этим населения; о намерении турок сохранить Батум впредь до решения вопроса Ангорой и Москвой. — Сведения эти заслуживают внимания, но требуют, конечно, критики. В них — отражена попытка "соглашательства" с большевиками и крушение "турецкой" комбинации грузинского правительства).

22 марта. По поводу наших толков о том, как грузинское правительство с помощью турок будет гнать большевиков из Закавказья, я, полу-шутя, говорю Чхенкели: а ведь вы все теперь попадаете в ту же позицию, какую занимали в 1914 году (за что их так поносили) Георгий Мачабели, братья Л. и Г. Кереселидзе, М. Церетели и др. — они тоже с турками собирались гнать русских! Чхенкели поморщился.

23 марта. В 4 часа свидание наше (Чхенкели, Сумбатов и я) с Бекир-Самибеем и одним из его коллег в кабинете г. Бертело, в присутствии г. де Перетти (делла Рокка).

Узнаем о прибытии в Константинополь гг. Жордания и Гегечкори. Они направляются в Париж вместе с г. Шевалле.

24 марта. Письмо г. Бекир-Самибею

(мы пишем). От Гегечкори вчера (т. е. 23 марта) была телеграмма: турки в Батуме принимали меры, сделавшие продолжение войны невозможным. Кязимбей объявил Батумскую область присоединенной к Турции, а себя — ген-губернатором. В виду предложения разоружиться и покинуть территорию — пришлось распустить фронт. Правительство выехало 19-го в Константинополь, красные же вошли в Батум...

25 марта. В отеле Кларидж свидание с Бекир-Сами-беом, при участии Чхенкели и моем; Топчибашева с товарищами, Чермоева и Джабаги.

(Далее запись о предстоящем прибытии во Францию увезенных грузинским правительством ценностей). Над драмой Грузии опустился занавес.

26 марта. Бертело письменно просит сообщить текст модус-вивенди, который грузинское правительство желало бы установить в Ардагане, дабы он мог подействовать установлению дружеских отношений между двумя правительствами (некоторые переговоры или разговоры, особенно дипломатические и политические, продолжают, даже когда перестала существовать вызвавшая их жизненная обстановка. Так, хвост ящерицы, и отделенный от ее туловища, не перестает, говорят, шевелиться).

27 марта. Из Константинополя сообщают от 26-го газ. "Тан": между большевиками и кемалистами не было конфликта из за Батума. Напротив, между Москвою и Ангорю согласие. Красные русские вступили в Батум.

Представитель Грузии в Ангоре (С.Г. Мдивани; одновременно брат его, Буду Мдивани, был там же представителем Москвы) получил свои паспорта и вы-

ехал в Константинополь (т. е. после занятия турками Артвина и Ардагана он еще целый месяц оставался в Ангоре).

28 марта. Греки наступают на турок. Парадокс: Мустафа Кемаль имеет друзьями одновременно французов и большевиков!

Роста (Рос. тел. аг.) сообщает из Москвы от 24 марта: отъезду прежнего грузинского правительства предшествовало соглашение с советским правительством, подписанное в Кутаисе, в силу которого меньшевицкое правительство уступило территорию, занятую его войсками (грузинскому революционному комитету. Последний завладел также оружием и военным снаряжением меньшевицкой армии. Революционный комитет обязался предоставить амнистию сторонникам прежнего правительства. Мирное соглашение состоялось благодаря усилиям русского правительства; его чрезвычайный уполномоченный Енукидзе был посредником во время переговоров.

29 марта. Составлено (наше) ответное письмо на имя Бертело и резюме конференции в Кларидж-отеле (см. выше под 25-ым марта). Н. Жордания и его министры выехали из Константинополя в Париж.

30 марта. Лондонскому (социал.) "Дэйли Геральд" сообщают 28-го из Москвы о подписании соглашения между прежним правительством Грузии и грузинским революционным комитетом (краткое изложение условий. Ср. выше под 28 марта).

2 апреля. Встречали на Лионском вокзале Жордания, Гегечкори и др. С ними приехал и А. Шевалле, французский комиссар.

3 апреля. (В грузинской легации) с Гегечкори и Чхенкели, Г. сообщает главные факты катастрофы.

5 апреля. Познакомился с А. Шевалле, который долго сидел (у нас в легации). По его словам, французское правительство особенно интересуется вопросом о том, вошло ли грузинское правительство в соглашение с большевиками ("пактизе") или нет. Если да, то трудно будет признавать прежнее правительство. Шевалле говорит: по сведениям Стокса (б. английский комиссар в Тифлисе) такое соглашение действительно состоялось.

Московское радио передает: "Из Тифлиса телеграфируют детали соглашения в Кутаисе между старым грузинским правительством и революционным комитетом. Все военные операции при-

останавливаются, и все войска передаются в руки революционной власти. Старое грузинское правительство считается распущенным с 25 марта, армия распускается, и все оружие передается революционному комитету. Всем приверженцам старой власти гарантируется полная амнистия. Соглашение подписано Орахелашвили, как полномочным представителем советской Грузии, Лордкипанидзе — представителем свергнутой грузинской власти и Енукидзе — от имени советской русской федерации". (Посл. Извест. 5 апр. 1921. Ср. выше записи от 21, 28 и 30 марта).

6 апр. Гегечкори меланхолически заявляет: "сдается мне, что такое соглашение в Кутаисе действительно состоялось!".

З. Авалишвили.

ШАЛВА АМИРЕДЖИБИ.

Их „документ“

В ОТВЕТ на ряд статей, помещенных в предыдущих номерах нашего журнала, по поводу все тех же границ Кавказа, а в особенности в ответ на статью ген. Г. Квинитадзе, появившуюся в № 7 грузинского "Кавкасиа", "правительство Жордания" опубликовало в "Дамоукидебели Сакартвело" свое "необходимое раз'яснение", в котором оно ссылается на документ, якобы свое- временно опубликованный и исчерпы-

вающе раз'ясняющий, каким образом части грузинской территории оказались оккупированными Турцией.

В настоящем номере нашего журнала мы печатаем одновременно как ответную статью ген. Г. Квинитадзе, на "раз'яснения" г. Жордания, так и самый "документ", на который ссылается "раз'яснение", к счастью, сохранивший- ся и у нас.

"Документ" действительно "истори-

ческий"! Составлен он 27 мая 1921 г., через девять дней после бегства г. Жордания из Грузии и обращен отнюдь не к правительствам государств, признавших независимость Грузии, а ко "Всем социалистическим партиям и рабочим организациям". И подписывает его Жордания не только как "председатель правительства Грузии", но еще "как "председатель Центрального Комитета Соц. Дем. партии Грузии и председатель Совета Рабочих Депутатов г. Тифлиса".

"Документ" воскрешает, чем была Грузия под властью г. Жордания. Говоря о пребывании большевизского посольства в Тифлисе, "документ" говорит, что большевики "злоупотребляли свободой пропаганды, которой они пользовались в нашей стране" — чем подтверждается мнение, не раз высказанное нами, что у русско-грузинского договора 7 мая 1920 года, были тайные пункты, в силу которых большевики могли заниматься у нас своей пропагандой и устраивать заговоры, перечисленные в статье и самым "документом".

"Документ" подтверждает также как был режим, установленный в Грузии г. Жордания, еще до большевиков: "Конфискация помещичьих земель и распределение конфискованных земель между крестьянами; социализация лесов, копей, железных дорог; национализация главных отраслей внешней торговли"... и т. д.

Так как "документ" обращен к "товарищам", то г. Жордания не стесняется расценивать нашествие большевиков на Грузию не как факт упразднения ее национальной независимости, а как "вытравление социалистических идей для распространения своих собственных

идей", в стране народа "преданного идеалу социализма".

Это желание г. Жордания доказать "всем социалистическим партиям и рабочим организациям", что Грузия, которую завоевали большевики, была не национальным государством старого культурного народа, а социалистической республикой меньшевиков, проходит через весь "документ".

Однако, это не мешает такому характерно меньшевизскому "документу" (кто мог бы подумать, что через семнадцать лет, он послужит разоблачению его же авторов!) во всем подтвердить те положения, какие высказывает ген. Г. Квинтадзе.

"Документ" говорит:

"23 февраля правительство Ангоры пред'являет нам ультиматум, в котором оно требует эвакуации наших войск из Ардагана и Артвина. Не имея возможности противопоставить достаточные силы турецкому наступлению на этом новом фронте, мы принуждены увести наши войска из этих городов, заявив энергичный протест против поведения турок".

Ген. Г. Квинтадзе свидетельствует, что в это время в Ардагане и Артвине никаких грузинских войск не было и уводить было некого. Означенные города были сданы туркам видимо по предварительному соглашению. Но самое важное, как заявляет бывший главнокомандующий, заключается в том, что все это было сделано без ведома главного командования.

"Документ" говорит.

"После занятия Ардагана и Артвина. Ангорское правительство нам заявляет, что оно не имеет больше никаких обязательств к Грузии, и предлагает нам свою

помощь, чтобы помешать вторжению большевицких войск в Батумскую область. Оно нас просит не препятствовать вступлению в эту область турецких войск, которые, по заявлению Ангорского правительства, примут участие в обороне области против большевиков”.

И конечно правительство Жордания это разрешило... ибо, когда, как пишет ген. Г. Квинитадзе, 12-го марта он приехал в Батум, то увидел в городе турецкие патрули. А на удивленный вопрос главнокомандующего: почему в городе турки — от г. Жордания получился ответ что турки “наши друзья”.

“Документ” далее говорит:

“17 марта правительство Грузии решает прекратить борьбу на берегу Риона и распустить армию”.

Бывший главнокомандующий заявляет, что приказа о демобилизации грузинской армии, полученного от г. Жордания, он войскам не передавал, фронта на Рионе не снимал, а все случилось, видимо, на основании Самтредского договора, учиненного между меньшевиками и большевиками, за спиной главнокомандующего и армии.

Таким образом, не подлежит сомнению, что, передав Ардаган и Артвин Турции, впустив турецкие войска в Батум,

а потом заключив договор с большевиками в Самтреди, в силу чего оставшаяся Грузия перешла к России, г. Жордания сам учинил раздел Грузии между Россией и Турцией.

И все это определенно явствует из “документа”, на который он сам ссылается и который мы приводим ниже.

Предлагая нашему читателю ознакомиться с этим “документом”, из которого явствует каков был патриотизм и государственный ум грузинских меньшевиков, как они защищали не только отдельные части грузинской территории, но и вообще “Грузию”, мы не можем не предпослать ему одного замечания. Вряд ли “правительство Жордания” отважилось бы теперь само напечатать этот документ. Ссылаясь в своем “разъяснении” на него, оно не посмело сказать, что он есть “обращение к “товарищам”, “всем социалистическим партиям и рабочим организациям”. “Правительство Жордания” предпочло назвать его “обращением к европейскому общественному мнению”. Там же оно упрекнуло ген. Г. Квинитадзе, в том, будто он пишет на основании только личных воспоминаний, а не документов.

Что же, на “документы” можем ссылаться и мы.

Ш. Амиреджиби.

ВСЕМ СОЦ. ПАРТИЯМ И РАБОЧИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ.

Товарищи,

Мы обращаемся к вам от имени грузинского народа, свобода и независимость которого разрушены войсками большевицкой России.

Уже давно правительство Москвы стремилось распространить свою власть

на Грузию, “советизация” которой являлась необходимым элементом большевицкой политики на Востоке. Среди большевиков имелись два течения по вопросу о том, каким путем осуществить эту задачу: одно течение — преимущественно, большевики Центральной Рос-

сии — рассчитывало на внутренний переворот в Грузии; другое — главным образом, кавказские большевики — зная настроение нашего народа, утверждало, что большевикам нечего рассчитывать на внутреннее движение в Грузии и что наша страна должна быть “советизирована” русскими штыками.

Сначала одержало верх первое течение. Московское правительство пыталось “советизировать” Грузию путем восстаний, организованных его агентами и оплаченных его золотом. Попытки подобных восстаний, имевшие место в 1919 г. в нескольких деревнях Западной Грузии, были немедленно ликвидированы самим же местным населением. Равным образом, окончилась полной неудачей попытка группы большевиков вызвать 1 мая 1920 г. восстание Военной Школы в Тифлисе.

После подписания русско-грузинского договора от 7 мая 1920 г., по которому московское правительство признало независимость Грузинской Республики и обязалось отказаться от всякого вмешательства во внутренние дела Грузии, большевики продолжали пытаться свергнуть грузинское правительство путем восстаний и заговоров. Для достижения этой цели они злоупотребляли свободой пропаганды, которой они пользовались в нашей стране*). В частности, Дипломатическая миссия Москвы, насчитывавшая сотни членов, занималась пропагандой, направленной против правительства Республики.

Но все усилия большевиков остались тщетны. Ни пропаганда, ни миллионы, которыми располагали агенты Москвы,

не могли поколебать преданности грузинского народа социал-демократической меньшевицкой партии, которой он доверил власть. Эта партия всегда стояла во главе грузинского народа: она руководила его борьбой против царизма, она представляла его в четырех Государственных Думах. С начала революции 1917 г., грузинский народ доверил этой же партии работу по закреплению завоеванной им свободы. Призванная в 1918 г., волей народа, к организации независимого государства Грузии, социал-демократическая меньшевицкая партия употребила все свои силы для осуществления широких реформ, как в политической, так и в экономической области. Конфискация помещичьих земель и распределение конфискованных земель между крестьянами; социализация лесов, копей, железных дорог; национализация главных отраслей внешней торговли; охрана труда; организация органов местного самоуправления, созданных на основе всеобщего избирательного права; развитие народного просвещения и политической самодеятельности народа — таково основное содержание нашей государственной работы, определяемой глубоким убеждением, что демократия есть единственный путь к социализму.

Это убеждение разделяется рабочими массами Грузии, и, в частности, советами рабочих депутатов, где наша партия, с начала революции до последних дней, имела от 90 до 95 проц. всех голосов.

Убедившись, что их пропаганда не имеет никакого успеха в нашей стране, большевики оставили надежды на восстания и решили завоевать Грузию силой оружия.

28 ноября 1920 г. Троцкий в большой

*) Строки подчеркнуты нами. Ред.

речи на московском съезде секретарей коммунистической партии произнес смертный приговор Грузинской Республике. "После советизации Армении черед за Грузией, сказал он: достаточно небольшого усилия, чтобы соединить Батум с Баку".

В декабре 1920 г. командующему русской армией Геккеру было предложено представить доклад о военных силах, необходимых для завоевания Грузии. В своем очень обстоятельном докладе он заявил, что сможет разрешить задачу только при условии, если правительство Ангоры окажется на стороне этого плана. Большевикам пришлось отложить нападение на Грузию. Но с этого момента большевицкие войска начинают скопляться на наших границах. Все протесты министерства иностранных дел Грузии остаются тщетны.

"Пришло время кончить с Грузией", не перестает повторять большевицкая пресса. Газеты Баку и Северного Кавказа ведут эту кампанию особенно энергично.

В то время, как генеральный штаб Москвы готовит смертельный удар свободе грузинского народа, советская дипломатическая миссия в Тифлисе организует шпионаж и стремится плодотворно недоразумения между Россией и Грузией, чтобы дать большевицкому империализму предлог для начала военных действий. В то же время московское правительство не перестает уверять грузинский народ в своих миролюбивых и дружеских намерениях.

11 февраля 1921 г. русские войска, принадлежащие к составу XI-ой армии, вторгаются в Грузию со стороны Армении. Г. Шейнман, представитель москов-

ского правительства, нам заявляет, что России ничего не известно об этом нападении, которое будто бы является действием армянского правительства. Он делает это заявление как раз в тот момент, когда представитель Советской Армении, г. Шавердов, утверждает перед нами, что Армения не принимает участия в этом наступлении и что она готова разрешить мирным путем все спорные вопросы, имеющиеся у нея с Грузией.

15 февраля г. Шейнман получает из Баку шифрованную телеграмму от командующего XI армией: "Решено перейти Рубикон. Действуйте сообразно с этим решением".

В то же время новые части XI-ой армии, подкрепленные отрядами кавалерии, переходят границу Грузии со стороны Азербейджана.

16 февраля председатель грузинского правительства пытается войти в переговоры с Москвой по прямому проводу, но г. Карахан, заместитель комиссара по иностранным делам Москвы, находящийся в Москве у аппарата, отказывается от переговоров. Тогда председатель правительства пытается снестись с представителем Грузии в Москве, но безуспешно, так как большевики, под предлогом порчи провода, отказываются вызвать последнего к аппарату.

На следующий день радиотелеграфная станция Тифлиса принимает радио, в котором Чичерин, притворяясь, что он не знает о нападении русской армии на Грузию, предлагает грузинскому правительству посредничество России между Грузией и Арменией. Не питая никаких иллюзий относительно искренности этого предложения, грузинское правительство отвечает, что оно принимает пред-

ложение Чичерина на условии, что правительство Москвы уведет русские войска с грузинской территории.

Этот ответ был принят советской радиотелеграфной станцией, но это не мешало московскому правительству заявлять впоследствии в своих радио, обращенных к Европе, будто оно его не получило.

Между тем, военные действия продолжают. Удар, направленный с двух сторон против Тифлиса, встречает героическое сопротивление грузинского народа. Пролетариат Тифлиса становится в первые ряды защитников города. Заводы и фабрики останавливаются, так как рабочие отправляются на фронт.

Этот порыв увенчался успехом: армия и Народная Гвардия Грузинской Республики отбросили все атаки неприятеля, несмотря на то, что они уступали последнему и в численности, и в вооружении.

21 февраля председатель грузинского правительства отправляет Чичерину радио, запрашивая его о причинах войны, начатой Россией против маленькой Грузинской Республики. "Чего вы требуете от нас? — спрашивает он в этом радио. — Формулируйте цели, ради которых вы начали войну против нас. Быть может, мы сможем сговориться без кровопролития".

Не получив ответа на эту телеграмму, председатель грузинского правительства 22 февраля обращается к Ленину и Троцкому, предлагая им прекратить войну, империалистический и наступательный характер которой — вне сомнений.

На эту телеграмму тоже не последовало ответа.

Правительство Москвы решило вести

войну против Грузии до конца, до уничтожения нашей Республики.

На наши предложения прекратить войну оно отвечает наступлением в трех новых направлениях: по Военно-Грузинской Дороге, со стороны Владикавказа; через Мамиссонский перевал, в сторону Кутаиса; и по побережью Черного моря, со стороны Сочи.

Грузия окружена со всех сторон: против нея действуют XI армия, единицы УШ, IX и ХП армий, не считая отрядов кавалерии Буденного и Жлобы.

Энтузиазм народа, наплыв добровольцев позволили бы грузинскому правительству увеличить силы сопротивления, но у нас не хватает ружей, чтобы вооружить всех готовых умереть за свободу и независимость страны. У нас нет снарядов, в то время как большевики направляют против нас все новые полки, в изобилии снабженные всеми необходимыми средствами.

В это время большевики получают поддержку с той стороны, на которую обращал внимание Геккер в своем докладе: правительство Ангоры спешит на помощь московскому правительству в его стремлении раздавить Грузию.

23 февраля правительство Ангоры пред'являет нам ультиматум, в котором оно требует эвакуации наших войск из Ардагана и Артвина. Не имея возможности противопоставить достаточные силы турецкому наступлению на этом новом фронте, мы принуждены увести наши войска из этих городов, заявив энергичный протест против поведения турок.

Между тем, наше военное положение становится все более и более тяжелым: подвергшаяся нападению с пяти сторон, вынужденная распределить свои силы по

огромному фронту, Грузинская Республика ведет борьбу в слишком неравных условиях. Ея армии грозит опасность быть окруженной и уничтоженной, несмотря на героизм солдат. Тогда верховное военное командование Грузии решает эвакуировать Тифлис, отвести войска и сконцентрировать их на сильных позициях, где армия имела бы обеспеченный тыл. В соответствии с этим решением, войскам на всех фронтах дается приказ отступать с боем к левому берегу Риона, сохраняя Батум в качестве военной базы.

25 февраля Тифлис эвакуирован нашими войсками и начинается отступление в указанном направлении.

После занятия Ардагана и Артвина, Ангорское правительство нам заявляет, что оно не имеет больше никаких притязаний к Грузии, и предлагает нам свою помощь, чтобы помешать вторжению большевицких войск в Батумскую область. Оно нас просит не препятствовать вступлению в эту область турецких войск, которые, по заявлению Ангорского правительства, примут участие в обороне области против большевиков.

Но вступив в Батум, турки объявляют 16 марта, что Большое Национальное Собрание Ангоры решило аннексировать к Турции Батум и Батумскую область. Согласно с этим решением, турки пытаются занять силой оружия общественные учреждения Батума и форты, господствующие над городом. Одновременно они предлагают нам ультиматум о разоружении наших войск.

Между грузинами и турками начинается ожесточенная борьба на улицах Батума. Турки изгоняются из города. Но с этого момента перед нами вырастает

еще новый фронтъ, и как раз со стороны, где мы считали обеспеченной нашу военную базу.

Предательство правительства Ангоры лишает нас последней возможности продолжать борьбу на линии Риона. Наши войска, окруженные со всех сторон войсками двух милитаристических государств, большевицкой России и Турции, осуждены на гибель без малейшей надежды на успех.

17 марта правительство Грузии решает прекратить борьбу на берегу Риона и распустить армию.

Это решение открывает большевикам дорогу в Батум. 18 марта правительство Грузии покидает Батум, и через несколько часов большевицкие войска вступают в город.

Само собой разумеется, что турки, которые заявили о своей решимости воспрепятствовать захвату большевиками Батума и Батумской области, встречают их, как союзников: уже несколько дней тому назад кемалисты и большевицкое правительство подписали в Москве договор, по которому турки признали большевиков хозяевами Грузии и отказались в их пользу от притязаний на Батум, получив, в виде компенсации, два округа южной Грузии — Ардаганский и Артвинский и часть Батумской области.

Таков ход событий, приведших к разрушению государства, созданного рабочими и крестьянами Грузии, и установивших на место Демократической Республики военную диктатуру и произвол московских штыков.

Чтоб лучше оценить это преступление большевицкого империализма, необ-

ходимо вспомнить, что свободная и независимая Грузинская Республика всегда стремилась к сохранению добрососедских отношений с Россией: уважая волю русского народа, она никогда не принимала участия в политике интервенции против Советской России; она отказывалась от какого бы то ни было союза с силами русской контр-революции; она самым решительным образом препятствовала попыткам использования ее территории, как базы военных операций против России.

Итак, наша страна оккупирована русскими войсками. Сами большевики отдают себе отчет в положении, созданном этой войной. Они понимают, что их власть не может встретить ничего, кроме ненависти, в захваченной стране. Занявши Грузию силой оружия, они ищут сейчас соглашения с ее народом.

Именно этим вызваны инструкции Ленина XI-ой армии, опубликованные в большевицких газетах Закавказья.

“Красная Армия Советской Республики находится временно на территории Грузии”, заявляет Ленин в этом документе.

Он рекомендует этой армии следующее: “Необходимо энергичной агитацией вытравить меньшевицкое влияние в населении и распространить на него широкое коммунистическое влияние”.

Ленин принужден признать, что грузинский народ определенно враждебен большевизму, и он указывает выход из положения:

“Чрезвычайно важно искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками...”

Товарищи!

Разве эти инструкции ничего не вызывают в вашей памяти? Оне тождественны с инструкциями, которые давались генеральным штабом Вильгельма II войскам, назначенным для оккупации Бельгии. Им так же предлагалось искать приемлемого соглашения с населением порабожденной ими страны...

Но насилие и штыки не могут изменить духа народа, преданного идеалу социализма. Грузия, выказавшая столько энергии в борьбе против ига царизма, с еще большей энергией будет бороться против своих новых поработителей, не менее жестоких, не менее вероломных, чем приспешники Николая II. Грузия, имеющая многовековую историю, сумеет отвоевать свою независимость и вернуться к выполнению своей исторической роли, прерванной вторжением большевиков.

Грузинский народ имеет право рассчитывать в своей борьбе на братскую поддержку международного пролетариата. За этой поддержкой мы обращаемся к вам, товарищи!

Вы всегда строго осуждали завоевательные войны. Разве меньшего осуждения заслуживают виновники войны против Грузии из за того, что они прикрывают свой империализм знаменем коммунизма?

Мы ждем от вас, чтоб вы заклемили преступление притеснителей нашей страны и лицемерие тех, кто пользуется штыками для “вытравливания” влияния социалистических идей и для “распространения” своих собственных идей.

Возвысьте ваш голос, товарищи, и требуйте от правительства Москвы:

Чтоб оно вывело из Грузии свои войска!

Чтоб оно предоставило грузинскому народу право располагать своей судьбой и свободно организовать свою жизнь и свое государство!

Константинополь, 27 марта 1921 г.

Ной Жордания.

Председатель правительства Грузии. Председатель Центрального Комитета Соц.-Дем. партии Грузии. Председатель Совета Рабочих Депутатов г. Тифлиса.

Евгений Гегечкори.

Министр Иностранных Дел Грузии. Член Центрального Комитета Соц.-Дем. партии Грузии.

Николай Чхеидзе.

Председатель Учредительного Собрания Грузии. Член Центрального Комитета Соц.-Дем. партии Грузии.

Ной Рамишвили.

Министр Внутренних Дел Грузии. Член Центрального Комитета Соц. Дем. партии Грузии.

Д. ДАГЕСТАНИ.

Германский фашизм в Иране

МОСКОВСКАЯ печать была недавно в большом волнении: корреспондент агентства ТАСС из Баку сообщал:

“Здесь получены сведения о поездке в Иран группы “гитлеровской молодежи” во главе с небезызвестным ее руководителем Бальдуrom фон Ширах. Эта группа молодежи совершает агитационное турне по всему Ирану, сделав остановки в Тегеране и ряде других городов для чтения лекций и публичных выступлений. Утверждают, что эта поездка тщательно подготовлена и что германская колония в Иране спешно организует торжественные встречи Бальдура фон Ширах. Повидимому, организаторы поездки имеют в виду придать ей под-

черкнуто - демонстративный характер манифестации иранско - германского сближения”.

Каковое обстоятельство, конечно, не по вкусу Москве, которая хотела бы видеть все “буржуазные” страны на ногах друг с другом. Комментируя это сообщение советского агентства, в статье, озаглавленной “Активность германского фашизма в Иране”, “Известия” меланхолически-тревожно заявляли:

“Поездка Бальдура фон Шираха в Иран является продолжением визитов ряда гитлеровских деятелей в Иран, имевших место в этом году, начиная с визита председателя Рейхсбанка. Шахта, полета в Тегеран на спортив-

ном самолете сына воен. министра Бломберга и ряда других деятелей фашистской Германии. **Политический характер этих визитов не вызывает сомнений**".

После этих мрачных размышлений, московский официоз тут же внезапно "проявляется", и присовокупляет следующий самоуспокаивающий абзац:

"Необходимо отметить, что иранский народ относится к фашизму с отвращением и что **предпринимаемая, повидимому, с благословения иранск. правительства гитлеровская пропаганда, надо полагать, даст результаты, обратные тем, которых ожидают от нее организаторы**".

Это развязное толкование, имеющее весьма провокационный характер, противопоставления — на всякий случай! — иранского народа и правительства Реза Шаха все же не удовлетворяет вполне "Известий", которые помещают дальше телеграфное сообщение своего лондонского корреспондента, спешащего "скомпрометировать" личность главы германской молодежи в глазах некоторых конкурирующих держав. Вот что он телеграфирует:

"Руководитель фашистского союза молодежи в Германии — Бальдур фон Ширах прилетел в Дамаск, где совещался с арабскими вождями, **высланными англичанами из Палестины**. Фон Ширах намерен посетить также Ирак.

Агенты фашистской Германии в Палестине и Египте выехали в Берлин, очевидно для совещания с Геббельсом, который намерен в будущем месяце посетить Египет".

"Защитники угнетенных народов Востока" дошли до того, что попутно доносят на палестинских вождей, вынужденных покинуть свою родину и искать приюта на чужой земле, из за акта, несправедливость которого очевидна для всего мира.

Настоящее лицо Москвы, впрочем, достаточно уже выявилось в глазах этих угнетенных народов!

В своем следующем номере советская газета с весьма "таинственным видом" приводит телеграфное сообщение "Дэйли Геральда" о том, что

"редакторы двух главнейших арабских газет в Палестине вылетели в Каир для встречи с находящимся там Шварцем фон Берком (бывший редактор германской фашистской газеты "Ангрифф"). В настоящее время Шварц фон Берк совершает поездку по странам Ближнего Востока. На будущей неделе в Каир отправляется также группа видных арабов Трансиордании".

Донося об этих "ужасах", большевицкий орган уточняет, что поездка фон Шварца "оплачивается фашистами".

Известно что Москва не оплачивает ничьих поездок и не ведет никаких таинственных "переговоров" ни в какой стране.

Перейдя к путешествию в Иран фон Шираха, большевицкая пресса неистовствует по поводу приема, оказанного ему иранским правительством и народом. Вот как описывают "Известия" от 11 декабря, этот прием:

"В день прилета Шираха в столицу Ирана, аэродром Тегерана напоминал не то Мюнхен, не то Нюрнберг.

Считавшие себя хозяевами положения, германские фашисты выстроили всю германскую колонию шпалерами на аэродроме и выполнили полный фашистский церемониал. Видимо, они же руководили и всей парадной шумихой, организованной в связи с пребыванием Шираха.

Германским фашистам тем легче было выполнить полученное из Берлина задание, что программа приема Шираха была более торжественной, чем даже при официальных правительственных визитах, хотя Ширах и не является членом германского правительства. Сопровождаемый германским посланником, руководитель гитлеровской молодежи был принят министром иностранных дел и народно-го просвещения, премьером и даже получил аудиенцию у наследного принца Ирана и самого шаха. Дело не ограничилось устройством торжественных обедов и завтраков. В соответствии с потребностями и навыками германских милитаристов, для Шираха был устроен в присутствии министра народного просвещения Ирана, парадный смотр иранских бойскаутов, школьников и студентов. При этой торжественной okazji иранской молодежи пришлось в угоду германским империалистам пройти военным маршем с гитлеровским фашистским приветствием".

Совсем скандально!

А еще скандальнее позиция тегеранских газет, которые

"видимо не разобравшись в неловкой для Ирана ситуации, выступили с восторженными статьями, ликуя по по-

воду "дружбы молодежи" двух стран. На фоне парадов эти выступления газет создавали впечатление, будто иранская общественность чрезвычайно польщена высокой честью визита европейского гостя, да еще к тому же из фашистской Германии. **Неуместность** этих примитивных восторгов особо подчеркивается тем обстоятельством, что с германской стороны было сделано все возможное, чтобы придать поездке Шираха инспекционный характер. Германские фашисты даже не пытались скрыть своих **грубо колониаторских стремлений** в отношении Ирана".

Вот куда хочет вести провокационная выдумка большевических кругов, плачущих теперь по "зоне влияний" "доброе старое время", когда тегеранское правительство не могло даже чихнуть не испросив на это предварительно разрешения своих северных и южных опекунов!

И вот слова "сожаления" по адресу иранских кругов:

"Вся обстановка, создавшаяся во круг пребывания фашистского посланца в Иране, показывает, что иранские круги, подготовившие поездку Шираха, в результате своей **малой осведомленности в международных делах** (sic), оказали услугу германскому империализму и его агентуре на Ближнем Востоке, вопреки интересам и настроениям иранского народа, раз навсегда порвавшего со своим прошлым и с **политической низкопоклонничества** в отношении империалистических держав".

Слова чрезвычайно нахальные, оскорбительные для иранского народа, но с большевиков, известно, многого не взыщешь.

Из всего этого, однако, можно сде-

лать одно немаловажное заключение: в оценке "империалистических держав" иранские "круги" несколько расходятся с большевиками.

Д. Дагестани.

В. ЭМУХВАРИ.

Денежная политика до военной Германии

(ОКОНЧАНИЕ*)

ПРИВЕДЕННАЯ прошлый раз схема Лоренца Штейна вполне совпадает с характером и развитием финансовой политики довоенной Германской империи. В то время, как в области денежной политики ст. 4 союзной конституции империи представляла ей полное верховенство, устанавливала ее исключительную компетенцию относительно монет, "фундированных и нефундированных бумажных денег", а также относительно банков, в области финансовой политики союзная власть была значительно ограничена. Она имела право покрывать свои расходы поступлениями от таможенных налогов и налогов на потребление, а в случае недостаточности этих источников, могла наложить на входящие в состав союза государства соответственно количеству их народонаселения так называемые матрикулярные взносы. Согласно 35 ст. имперской конституции центральная власть имела исключительное право на таможенное законодательство, на обложение произво-

дившихся в пределах союза соли, табаку, водки, пива, а также сахару и сиропа, причем, согласно ст. 38, доход от этих налоговых источников поступал в имперскую казну.

Согласно же 70 ст. "для покрытия всех союзных расходов служат прежде всего остатки предыдущего года, а также доходы от таможенных и общеимперских налогов на потребление, и от почт и телеграфов. Поскольку расходы не могут быть покрыты этими доходами, до введения общеимперских налогов они покрываются взносами с отдельных государств соразмерно с количеством их населения, которые в размере, определенном бюджетом, налагаются на них имперским канцлером".

Статья 73 конституции предоставляла империи прибегать для покрытия чрезвычайных расходов к займам, и ей приходилось, действительно, в значительной мере пользоваться этим правом, — долг ее перед всемирной войной составлял около 5 миллиардов марок.

Финансовая политика Германии в си-

*) См. «Кавказ» ном. 12-48.

ду поставленных ей конституцией рамок могла развиваться в направлении увеличения ставок существующих косвенных налогов, уменьшения или устранения участия в них отдельных государств, а также введения новых косвенных налогов. Мы не будем разбирать здесь этапов этого развития, отметим только, что крупными шагами в деле распространения прав империи на прямое обложение было введение в 1906 г. наследственного налога, а также военного на имущество, введенного в 1913 г.

Полная же ликвидация финансово-политического партикуляризма произошла в Германии лишь в 1919 году с введением Веймарской конституции и с проведением на ее основе финансовой реформы Эрцбергера.

Если финансовая политика Германской империи отличалась до войны значительными недостатками, то ее денежная политика, можно сказать, была одной из образцовых, и это потому, что в этой области был проведен без всякого сопротивления централистический принцип, — торжеством этого принципа и является упомянутая уже нами 4 статья союзной конституции.

Изложению денежной политики Германии мы считаем необходимым предпослать некоторые положения общего характера. Немецкий экономист Георг Кнапп, произведший переворот в учении о деньгах, вводит в науку огромное количество новых терминов, которые мало по малу получают право гражданства. Нас интересует в данном случае установленная им классификация денег по их функциональному значению, т. е. согласно предусмотренному правовыми нормами применению и значению

различных сортов денег в платежах. Общим признаком всех сортов денег Кнапп считает неограниченную обязательность их приема со стороны государства в платежах по отношению к государству, которые Кнапп называет эпицентрисческими платежами. Функциональное различие отдельных сортов денег выступает наружу там, где государство является не получателем денег, а плательщиком; в этих платежах и определяется то или иное значение различных сортов денег в народно-хозяйственном обращении, следовательно в платежах частных лиц между собою. Тут Кнапп устанавливает различие между облигаторными и факультативными деньгами. Облигаторными называются деньги, прием которых обязателен для частных лиц, а факультативными — деньги, прием которых зависит от усмотрения частных лиц. При этом деньги, прием которых обязателен без ограничения суммы платежа Кнапп называет просто облигаторными, а деньги, прием которых необязателен ни при какой сумме платежа, он называет просто факультативными. Промежуточное между ними положение занимают деньги, прием которых обязателен только до известной, по выражению Кнаппа, критической суммы, за пределами которой их прием для частных лиц перестает быть обязательным. Далее Кнапп различает дефинитивные и провизорные деньги. Дефинитивными называются деньги, которые не размениваются на другие сорта денег, а провизорными называются деньги, размениваемые на другие сорта.

Различает Кнапп также валютарные деньги и акцессорные деньги. Валютарными он называет те из дефинитивных

денег, которыми государство расплачивается в своих обязательствах, к приему которых, следовательно, оно понуждает всех тех лиц, которые имеют получить от него деньги. Следовательно по Кванпу облигаторность хотя и является необходимым признаком валютарности денег, но этот признак он считает недостаточным: к нему присоединяется еще и другой признак, а именно дефинитивность. Таким образом валютарные деньги являются под видом дефинитивных денег. Аксессуарными являются деньги, прием которых не обязателен, которые следовательно не суть облигаторные, или же деньги, которые не являются дефинитивными. К аксессуарным же деньгам принадлежат также разменные (билонные) деньги, прием которых обязателен только до известной критической суммы.

Мы отметили выше, что целью денежной политики является служение народному хозяйству. Но интересы народного хозяйства требуют, чтобы деньги при всем разнообразии их сортов обладали твердым курсом, чтобы они независимо от того, чеканятся ли из драгоценных металлов, серебра и золота, или же из малоценных металлов, даже и в том случае, когда они фабрикуются из бумаги, чтоб все эти сорта сосуществовая рядом друг с другом, выступали на рынке с совершенно тождественной покупательной силой, чтоб одинаковое количество установленных в государстве денежных единиц имело совершенно одинаковый курс.

Существуют пути, следуя которым можно овладеть товарным рынком и продиктовать ему свою волю, и государство в своей денежной политике дол-

жно держаться этих путей. Мы постараемся разяснить это на конкретных примерах. Предположим, что государство накопило определенный запас хлеба, чтоб регулировать цену на него. При этом если государство заинтересовано в том, чтобы воспрепятствовать повышению цены на хлеб сверх определенного уровня, оно должно выступить на рынке в качестве продавца хлеба по этой желательной ему максимальной цене, удовлетворяя рынок. Тогда хоть и будут желающие продавать хлеб по более дорогой цене, они покупателей не найдут.

Предположим теперь, что государство заинтересовано в обратном, а именно — в установлении не верхней, а нижней границы колебания цены на хлеб, т. е. в том, чтоб он не падал ниже определенного уровня. Тогда оно должно выступить на рынке не в качестве продавца хлеба, а в качестве покупателя по желательной ему минимальной цене. Тогда желающие купить хлеб ниже этой цены не найдут предложения, ибо государство по этой цене принимает все предложение.

Теперь предположим, что государство заинтересовано вовсе устранить всякое колебание цены на хлеб, иначе говоря — установить на него твердую цену. Тогда оно должно и продавать и покупать хлеб по цене, которую оно хочет стабилизировать; оно должно удовлетворять всю совокупность предложений и спросов на хлеб по соответствующей, желательной ему твердой цене.

Мы оставляем в стороне вопрос о том, какое количество хлеба необходимо заготовить государству, чтоб успешно провести свой план интервенции и продиктовать рынку свою волю, на этот во-

прос и нельзя дать точного ответа. Сказанное относительно последнего случая мы можем формулировать в следующих словах: для установления твердой цены на какой либо товар, необходимо и продавать и покупать этот товар по соответствующей цене. Правило это мы можем назвать правилом стабилизации и оно имеет чрезвычайно важное значение как способ оздоровления потрясенной вследствие инфляции валюты.

Приведенные нами три приема мы называем приемами интервенции в образовании рыночных цен, — эти приемы и лежат в основе здоровой денежной политики. При этом необходимо иметь в виду, что категориям купли и прода-

жи соответствуют в денежной политике и другие, формально отличные от них категории, но экономически имеющие одинаковое с ними значение и влекущие, следовательно, одинаковые последствия, как напр., неограниченный прием государством всех сортов своих денег к платежу по их номинальной ценности, обмен одних сортов денег на другие, свободная чеканка валютарных металлических монет (в немецкой литературе такие монеты называются курантными) и т. д. С этими явлениями мы встретимся при детальном рассмотрении денежной политики Германии.

В. Эмухвари.

Вести с Родины

“ВЫБОРЫ” И “СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ”

ВЫБОРЫ состоялись.

Другими словами — народам Кавказа были предложены заранее составленные в Москве списки кандидатов при следующей дилемме: или вы будете за них голосовать или своим воздержанием вы объявите себя противниками новой “конституции”, т. е. врагами сталинского режима со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Разумеется, кавказцам, равно как украинцам, туркестанцам, белоруссам и проч., пришлось голосовать за указанных депутатов, среди которых преобладают чекисты.

12-го истекшего декабря около 96% избирателей эту повинность на Кавказе

выполнили. 1.940.547 избирателей Грузии, вместе с Абхазией, Аджаристаном и Южной Осетией дали 12 депутатов в Союзный Совет и 52 в Совет Национальностей. 1.648.877 избирателей Азербайджана вместе с Карабахом и Нахичеванью дали 11 депутатов в Союзный Совет и 41 в Совет Национальностей, 620.220 избирателей Армении — 4 и 25 депутатов, области Северного Кавказа — 7 и 59 депутатов. Всего Кавказский край поставил (“выбрал”) 34 депутата в Союзный Совет и 177 в Совет Национальностей. Из этого общего числа 36 человек — не кавказцы по происхождению, а “руссо-европейцы”, — впрочем, все кандидаты, как уже говорилось, намечены из Мос-

квы, и потому подлинно национальное представительство интересов населения, разумеется, весьма сомнительно. Это в большинстве простые фигуранты, выполняющие приказания. К тому же и после выборов многие могут быть отведены, находясь якобы "под контролем избирателей", другими словами: посьмейте только проявить "буржуазный национализм!" Ведь уже в последнюю минуту перед самыми "выборами" 25 кандидатов были заменены другими. О причинах не говорят, но можно судить по следующему примеру: в избирательном списке Азербайджана имелся некий Гульбис, о котором писали, что он активный член коммунистической партии, видный участник гражданской войны, заслуженный работник и т. п. Это все печаталось на видном месте, а затем в последнюю минуту несколько строк на последней странице тех же газет среди мелких происшествий: такой то Гульбис при невыясненных обстоятельствах застрелился. Таково положение избираемых.

**

Неудивительно, что параллельно "выборам", символизирующим доверие населению, продолжают кровавые "судебные процессы вредителей".

В Грузии — группа ветеринаров. Все это люди средних лет — от 35 до 55, известные, испытанные работники по своей специальности. Но оказывается, что они занимались систематическим саботажем скотоводства, были явными "вредителями на скотоводственном фронте" с целью... "отторжения Грузии от Советского Союза под протекторат буржуазной державы".

Обвиняемые: Г. Масхарашвили, вете-

ринар с высшим образованием, в прошлом уже судившийся и бывший под арестом (но кто же из "спецов" не был когда либо арестован!), В. Бассилиа, как и первый, тоже безпартийный ветеринар с высшим образованием, М. Кутубидзе, в прошлом году исключенный коммунист, бывший начальник ветеринарного департамента, М. Кордзахиа, грузин духовного происхождения, М. Кагарлицкий, безпартийный мелкобуржуазный еврей, ветеринар, В. Шенгелиа, начальник ветеринарного надзора в Тифлисе, К. Шанидзе, ветеринар батумского порта, Л. Кикнадзе и Н. Чокели — ветеринары. Только двое последних приговорены к 20 годам заключения, остальные расстреляны.

Согласно советскому обыкновению, этот ветеринарный процесс представляет собою лишь "звено в той цепи" (такое выражение, примененное прокурором), которая тянется к лицам более высокопоставленным, коих по тем или другим причинам тогда же к этому процессу не "пришили". Но мы уже знаем некоторые имена, и знаем, что "правосудие" тоже их в той или иной форме коснулось, и иные уже расстреляны. К этой группе относятся: Джандиери, видный специалист по зоологии, Ахметели, бывший комиссар земледелия, Леонидзе, бывший директор экспериментального ветеринарного института, Цинцадзе, бывший ветеринарный инспектор, Бонч-Бруевич, Гургенидзе, Гварамиа, Матикашвили, Григоров и другие. Все недочеты грузинского скотоводства и продовольственного дела, которое никак не налаживается в советской стране, вымещаются на соответствующих специалистах, коих поэтому обвиняют в наме-

ренном саботаже и в измене. Разумеется, нет недостатка в признаниях и показаниях обвиняемых. Все, как и обычно.

**

Совершенно аналогичный процесс по продовольственному делу был инсценирован в Грузии в отношении деятелей организации "Заготзерно", т. е. лиц, ведающих зерновыми запасами. Опять таки все нехватки зерноснабжения, совершенно неизбежные при советских порядках, объявляются намеренным "саботажем контр-революционного центра". Обвиняемые: **К. Лазарев**, 40 лет, армянин, исключенный из коммунистической партии и арестованный в 1937 г., а в прошлом директор всей администрации "Заготзерна", — его вина усугубляется тем, что у него есть брат, работавший в одном из комиссариатов Армении, который был также арестован за саботаж; **В. Хуциев**, грузин, недавно исключенный из коммунистической партии; **Б. Мурадов**, коммунист, армянин с низшим образованием; **К. Отто**, немец с высшим образованием, безпартийный, — оба они были управляющими треста "Заготзерно"; **Д. Бенделиани**, грузин, безпартийный, технический инструктор; **Т. Шумилова**, русская; **А. Овакумиан**, армянин, бывший комсомолец. Как и в процессе ветеринаров здесь также "установлена" связь с целым рядом других политически скомпрометированных лиц, каковы "троцкисты" — **Алавердов**, **Микеладзе**, **Джавахиа**, **Сериков** и другие. Обвиняемые якобы портили намеренно зерно, заражая его паразитами, с целью "ниспровергнуть советский режим" и "восстановить капитализм". Кроме Шумиловой остальные растреляны.

Ясно одно: Кавказ подвергается систематическим карам во всех областях управления и общественно-государственной деятельности. Гибнут люди, всячески старавшиеся приспособиться к режиму.

**

Телеграф уже принес известие о "процессе", закончившемся расстрелом, 8-ми армянских сановников. Процесс происходил в Эривани.

Расстреляны: 1) **Варган Мамикониан**, бывший (причем этот термин "бывший" означает, что обвиняемый стал "бывшим" с момента его ареста органами ГПУ) наркомзем Армении; 2) **Михаил Енгибарян**, бывший зав. сельхозотделом ЦК партии; 3) **Аршак Шахназариан**, б. начальник Животноводческого управления Наркомзема и б. зам. наркомзема; 4) **Гавриил Калантариан**, тоже самое; 5) **Таварт Тер-Авакян**, б. "плановик" Животноводческого управления; 6) **Торос Торосян**, б. начальник ветеринарного управления; 7) **Арам Мелконян**, б. зав. отделом совхозов; 8) **Ашот Мадатов**, б. зав. планово-финансовым отделом.

Обвинялись эти "трижды презренные враги народа" в том, что занимались "вредительством" в системе Наркомзема и в области сельского хозяйства. Они, якобы, не останавливались даже перед "отравлением скота, убивали десятки тысяч голов, заражали болезнями, тормозили рост урожайности".

И все это для того, чтобы "вызвать среди трудящихся недовольство совет-

ским строем". А недовольство это им нужно было в целях "оторвания Армении от великого Советского Союза" и "создания капиталистического государства под протекторатом одной из капиталистических стран", после "насильственного свержения советской власти в Армении".

Словом, та же самая версия, что и в предыдущих кавказских процессах и что предполагается весьма естественным и, повидимому, желанным исходом для этих народов даже самими московскими заправилами...

Конечно, эти восемь обвиняемых являлись участниками "контр-революционной право-троцкистской, националистически-дашнакской, вредительской организации", руководившей уже "разоблаченными" — и уже расстрелянными, (за исключением "самоубившегося" Ханджана) — врагами народа Хандисяном, Тер - Габриеляном, Отьяном, Ерзинкяном, Алатуни, Гулояном, Ст. Акоповым, Мугдуси и "другими".

По славной судебной традиции, установившейся в советском раю, обвиняемые, конечно, "признают себя виновными" во всех пред'явленных им обвинениях и даже больше.

Приговор был вынесен в ночь на 29 декабря: все обвиняемые приговорены к "вышей мере наказания", с конфискацией лично им принадлежащего имущества, к "большому удовлетворению рабочих, колхозников" и даже — это уже ново! — "интеллигенции" Армении.

Кровопускание продолжается на Кавказе... Очередь за кем?

(От нашего турецкого корреспондента).

Приехали через Персию бежавшие два красных офицера: один осетин и другой кабардинец, поселенные где то в глубине; к сожалению я не виделся с ними. С их слов рассказывают много интересного. У нас там, на Кавказе, полное разложение. Все разочарованы и никто больше не скрывает своего недовольствия. Террор потерял свое магическое действие на людей. В аулах люди группами разговаривают о мирских делах и не стесняясь мечтают о войне с Японией и Германией, как об единственном средстве своего освобождения. Люди, работавшие в колхозах с увлечением, теперь бегут из них, убедившись в бесполезности и разорительности этой системы.

Самурский и Далгат расстреляны.

Начиная с Кубани до самого Петровска, всюду в горах и лесах продолжают скрываться повстанческие группы по 20-30 человек, носящие на Кубани старое название "зеленых", а у нас обще-горское.

Раз'единение горцев на отдельные автономии уже всеми объясняется, как вредный принцип, и общим лозунгом наших большевиков стало воссоединение всех областей в Сев.-Кав. Республику, входящую в союз на тех основаниях, на каких там пребывают Грузия, Украина и др. "независимые" республики.

Обзор печати

ПАНТЮРКИСТЫ, ЧУЖДЫЕ ТЮРКИЗМУ*

Под таким заглавием мы читаем в стамбульской газете "Сон Поста" любопытную статью Мухиттина Биргена, содержание которой приводим полностью в точном переводе.

За последнее время в некоторых частях света заметен сильно бьющий в глаза пантуранизм, или в более тесном смысле — пантюркизм. Например, три дня тому назад, на столбцах двух наших газет, появилось сообщение, исходящее из варшавских источников, согласно которому японцы в Центральной Азии предпринимают пропантуранистские действия. Образу сначала отдельные государства из монголов, Восточного Туркестана и каким-то иным путем из Западного Туркестана, затем все эти самостоятельные мусульманские области японцы якобы имеют в виду воссоединить в одно целое под властью Халифа.

Нечего и говорить, что целью этого пантуранизма является нанесение удара России по ее азиатским владениям. Это есть ложный пантуранизм, реализация которого впрочем сегодня весьма проблематична. Во всяком случае осуществление его, полное или частичное, безразлично, имеет подпочвой японскую политику, является, так сказать, японским пантуранизмом.

Эти области в наш век еще не созревшие для самостоятельной национальной жизни, в конечном счете обречены считаться собственностью того, кто им даст «самостоятельность» и следовательно им не избавиться от его влияния и господства. В таком случае мы, турки, даже платони-

чески, не должны придавать этой пантуранской пропаганде особенного значения.

**

Но иностранная пропаганда в пользу тюркизма и туранизма не может быть приписана исключительно японцам. Есть и другие страны, совершающие аналогичные действия, как Польша и Германия, которые тоже сделались туранистами и в более тесном смысле пантюркистами. Оба эти идейные течения в обеих державах составляют основу политики, направленной к ослаблению сегодняшней России. В последнее время в некоторых немецких газетах мне пришлось читать статьи, посвященные развитию этой политики, которая в особенности хочет использовать в широком размере некоторые ошибки революционной России на Кавказе и ждет ослабления России изнутри. Но для Турции возникает вопрос — насколько искренни в такой своей политике Варшава и Берлин? Иначе говоря: в какой мере эта политика может считаться положительной с точки зрения турецких интересов? Интересно, имеют ли в виду эти чуждые тюркизму пантюркисты, только расчленение России, или же желают стать «покровителями» тюрок, отделившихся от России?

Трудно ответить на эти вопросы со всей ясностью. Японский пантуранизм во всяком случае очевиден: Япония стремится в Азии к отделению туранских и тюркских народов от России, дабы взять их под свое «покровительство».

Что касается пантюркистской политики европейских держав, то она кажется преследует несколько иные цели, и, пожалуй, удовольствуется лишь расчленением России, хотя трудно верить и этому.

**

Как бы то ни было обе разновидности этой политики совершенно чужды тюрки-

ному. Вообще турки и в особенности их, турецкие турки, должны хорошо знать, что такая политика не турецких держав никоим образом не соответствует интересам ни туранцев в широком смысле, ни турецких, в более тесном. В каких бы направлениях эта политика не шла, она построена и продумана припорочно к интересам держав ее практикующих. И выгоды, извлеченные из нее туранцами или турецким, будут ничтожны или почти ничтожны. Я считаю необходимым и полезным подчеркнуть это обстоятельство перед турецким общественным мнением, имеющим стремление видеть вещи в их истинном настоящем свете.

Есть в этом смысле еще одно течение, в Париже, которое заслуживает особенного внимания и представляется нам некоторою разновидностью белого русского движения. Оно также сомнительного свойства и, пожалуй, является делом рук какого нибудь класса или группы Франции или же просто какой нибудь группы, интересующейся белым русским движением.

**

Как я уже имел случай высказаться несколько месяцев тому назад в статьях, посвященных Азербайджану, составляющему самую зрелую область в турецком мире, политика турецких турок, даже в отношении самых близких турецких вопросов не может быть агрессивной.

Нам представляется наиболее разумным, чтобы турки склонялись пред реальными фактами истории и стремились бы в условиях этой реальности к обеспечению себе лучшего бытия.

Что касается политики Турции, дружественной в отношении Советов, то она вполне правильна, уместна и очень соответствует интересам обеих сторон.

Пантуранизм, в конце концов есть ни что иное как вымысел вроде «советской халвы», как то признал в свое время Зна Гокаш — это фантазия и больше ничего.

Но если даже допустить обратное и то — эту политику не могут делать ни японцы, ни немцы, ни поляки и некоторые

французы или связанные с последними сторонники белой России. Всякое действие бы то ни было из них не может состоять ни туранским, ни турецким. Турки обязаны и падать и подниматься по собственным решениям и собственными силами. Так повелевают законы естественного развития, которым подчинены народы. Вот почему я счел своим долгом предостеречь турецкую общественность в отношении пантуранистских действий, совершаемых под различными флагами.

X

ТЮРКИЗМ

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТУРЦИИ

Час от часу не легче. М. Бирген в страницах "Сон Поста" 24.XII.37. разрешился новой статьей под сказанным названием.

При чем, как видно из изложения, хочет дать оправдательные комментарии к предыдущей статье, носящей название "Пантюркисты, посторонние тюркизм", справедливо встретившей оппозицию со стороны кавказцев и тустанцев. Мы приводим и эту статью полностью в точном переводе.

«Недавно я писал по поводу туранского возбуждаемого в Восточной Азии шуму, и в связи с этим коснулся «или кистских действий петербургских сил».

По случаю этой статьи я получил несколько писем от наших читателей, занятых с турецким движением, имеющего место за пределами Турции. В виду что в этих письмах содержится критика порицания по моему адресу, и мне сегодня ответить настоящей статьей.

Все полученные мною письма, в изложении одного, все оного и то содержания и говорят: «наши братья турки не интересуются

судьбой. Турецкое правительство в интересах своей внешней политики пренебрегает нами, и вы тоже, бей Вирген, следуя за своим правительством, действуете совершенно желанием последнего. Между тем, странно, что Турция, делающая столько шума вокруг маленького Хатайского (Александретского) вопроса, почему то не считает возможным хотя бы немного заинтересоваться национальной борьбой турок в других странах. Неужели они не достойны этого? Почему собственно говоря события совершаются со столь значительной дозой эгоизма?».

**

Прежде всего я должен ответить на эту критику, напомнив, что статья, вызывающая протесты, написана в целях предостережения против политики чужеземцев, занимающихся пантюркистской и пантюркистской политикой для своих собственных целей. Понимать политику как политику это одно, но понимать политику, как проявление искренних чувств — совсем другое. Во первых я хотел только указать на препятствия, мешающие относиться с доверием к этой политике и никак не ожидал того, чтобы возражающие мне почтенные читатели дошли до обвинения турок в эгоизме. Мне кажется, в этом они переборщили.

Во вторых должен заявить следующее: действительно, верно, что Турция не проявила к турецким национальным движениям интереса в той мере, в какой это было бы желательно областям, оспаривающим свою независимость. Но на то есть причины, из коих отмечу несколько:

1) Турция ограничивает свою национальную политику своими государственными границами. Это необходимая и естественная политика, потому что всякая страна может быть национальной лишь в своих собственных исторических границах и затем, для того, чтобы бороться против империализма необходимо прежде всего не быть самому империалистом.

2) Для того, чтобы Турция играла роль в турецком мире, необходимо, чтобы она чувствовала наличие непосредственно по-

литического интереса, воздекающего ее в атмосферу этих проблем. На деле, Турция даже в отношении ближайшего своего соседа Кавказа не испытывает подобного стимула или причины. Да и сам Кавказ, составляющий, с точки зрения политической и исторической совершенно особый мир, вовсе не проявляет склонности к тому, чтобы Турция интересовалась им.

В таком случае, оставляя в стороне турецкое правительство, все наше отношение, весь интерес сводится к проявлению чувств, питаемых нами к туркам внетурецким. Но мои друзья, порицающие меня должны прекрасно помнить, что в качестве турка я демонстрировал эти чувства, когда в воспоминаниях о партии «Единения и Прогресса», во имя истины и истории, не пощадил критикой моих соотечественников — иттихадистов, среди которых были даже мои друзья.

Мне кажется, Турция и турки в отношении внетурецких турок имеют один долг: это рассматривать их равноправными турками, когда они попадают и живут в Турции.

С этой точки зрения м. б. могут быть указаны кое какие ошибки, но в общем принцип соблюдается.

Надо наряду с этим также признать, что в Турции нет особенной, хорошо уточненной и разработанной идеи относительно внешних турок. Надеюсь, этот пробел истории постепенно будет восполнен.

**

Еще один из моих читателей упрекает меня в том, что я позволил себе изобразить симпатизирующее тюркизму парижское движение, как имеющее отношение к белому русскому движению. Относительно этого я ничего определенного не сказал, а лишь так предполагал. Если даже тут допустил ошибку, то во всяком случае, она не уменьшает моей искренности. Однако, причиной, заставившей меня делать подобное предположение является то обстоятельство, что лица, возглавляющие это течение малоизвестны в турецкой национальной борьбе и до сих пор не видно в ней их следов.

В замечательно длинной истории кавказского тюркского движения я впервые вижу и слышу подобную активность со стороны этих лиц. Почему они так запылали в защите идей, представляющих им столь священными? Почему их имена до сих пор не вписались в историю этого движения?

Поэтому мне лишь остается сказать, что если их движение не связано с белым русским, то во всяком случае оно связано с белым кавказским.

И в том и в другом случае результат будет один и тот же.

В заключение признаю, что вообще говоря в этих вопросах, конечно, мы допустили некоторые ошибки, однако, полагаю, что в порицанию Турции и турок все же нет достаточных оснований.

Комментарии к этим двум статьям читатели найдут в нашей передовой статье.

**
*

НОВОЕ МОНГОЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В большой истамбульской газете "Джумхуриет" находим в ном. от 2-го декабря чрезвычайно интересную статью, посвященную новым событиям на Дальнем Востоке. Автор ее, известный турецкий публицист Мухаррем Фейзи Тогай приоткрывает часть широких горизонтов японской политики. Приводим статью почти целиком:

«Маленькая стычка, имевшая место в окрестностях Пекина 10 июля этого года между ротой японцев и китайскими милиционерами, по почину последних, послужила началом неофициальной войны между Японией и Китаем, которая по размерам своим несомненно займет видное место в истории больших войн. Эта война помимо военных результатов приводит к важным политическим переменам, в чи-

сле коих можно указать на возрождение Монгольского государства Чингиз-хана, господствовавшего семь веков тому назад над значительной частью мира.

Монголы в 1912 г. признали Манджурскую династию, царствовавшую в Китае, но вместе с тем сохранили свою независимость и все свои национальные организации. Следовательно, монгольская национальная идея и национальные стремления не новы. Манджуры, принадлежащие к той же Туранской ветви, от которой ведут свое происхождение монголы, всегда покровительствовали последним и сопротивлялись внедрению китайского населения в Монголию. Лишь после свержения манджуров и установления в Китае национального правительства, китайцы стали проникать в Монголию, как коммерсанты и земледельцы, и таким образом разместились в горных районах области Чахара и Суйява Внутренней Монголии. Монголы были отброшены по ту сторону гор Та-Чинга, а две названные чисто монгольские области стали продолжением Китая и в административном отношении были подчинены Северному Китаю.

Монголы, оставшиеся беззащитными после падения династии Манджуров, не только на юге, но и на севере подпали под влияние и власть иноземных оккупантов. Тут царская Россия, потерявшая свои позиции на Дальнем Востоке, в 1912 году, после падения Манджуров, захватила под свое влияние Внешнюю Монголию, которая стала плацдармом против Японии.

Во время Мировой войны Россия эту позицию удержала, при чем Советская Москва подчинила всю Внешнюю Монголию своему военно-политическому влиянию настолько, что так называемое монгольское народное правительство закрыло свои границы для всех других государств, не допуская даже воздушного коммерческого сообщения через свою страну.

Таким образом, подобно тому, как Южная Монголия оказалась китайизированной, точно также советизирована насильственно Северная Монголия, иначе называемая

Монголией Внешней. Оба эти явления содействовали национальному пробуждению монголов.

Но вот выступает новый фактор. Еще в 1930 году офицеры японского Генерального Штаба, пробираясь во Внешнюю Монголию, изучали на месте условия и возможности, при которых можно было бы с помощью монголов отеснить русских. Гибель одного из них послужила толчком для оккупации Маньчжурии. Но Япония, опасаясь советского вмешательства, не двинулась во Внешнюю Монголию. Она лишь подчинила своему влиянию Жехол — южную часть Внутренней Монголии и полунезависимые монгольские княжества, расположенные к северо-западу от Маньчжурии, население которых готовится и мобилизуется, для освобождения всех монгольских земель. В монгольских военных училищах, организованных японскими офицерами, и в монгольских полках имеются многочисленные кадры, обученные способам современной войны и техники.

Эмигранты, направляемые из Жехола и Северо-Западной Маньчжурии всюду, где есть монгольское население, проповедуют идеи национального возрождения и независимости.

Япония, заняв чисто японскими силами Сев. Китай, старалась оккупировать Внутреннюю Монголию маньчжурскими и монгольскими частями, обученными в Маньчжурии и Жехоле. Но все эти попытки год тому назад, т. е. в октябре 1936 г., потерпели неудачу.

Нанкинское правительство больше всего опасалось вторжения японцев во Внутреннюю Монголию, т. к. отсюда они легко могли занять Кансу, Шанси, Кокуню и Восточный Туркестан. Поэтому оно двинуло свои лучшие дивизии в Суйян.

Потомок Чингиз-хана князь Тех, отправленный с 12-тысячным отрядом в Суйян, имел столкновение с этими отборными китайскими силами и несмотря на японское техническое снаряжение монголы потерпели поражение, и таким образом, впервые японский престиж был ущемлен.

В прошлом году события под Пекином дали японцам возможность в широком масштабе развить операцию, и японская армия прежде чем идти на юг от Пекина двинулась на запад и во Внутреннюю Монголию. Это развилось на южной стороне Китайской стены. Одновременно на севере маньчжурские и монгольские силы, шедшие из Жехола и Маньчжурии, поддержанные японскими танками, аэропланами и бомбидированными автомобилями, вклинились между Внутренней и Внешней Монголией, чтобы таким образом помешать связи Советов через Внешнюю Монголию, где они хозяйничают, с Монголией Внутренней. Но и на этот раз оба японских фланга наткнулись на сильное сопротивление китайцев.

Наконец, 14 октября монгольские и маньчжурские силы, поддержанные японскими танковыми и воздушными частями, заняли Кюейсу и соответственно монгольскому национальному цвету это место названо голубым городом: **Хохокото**. Монгольские силы и японские технические части без остановки продолжали двигаться к западу и уничтожая во Внутренней Монголии встречавшиеся китайские отряды, заняли город Паонию. Таким образом, Внутренняя Монголия была освобождена от китайцев.

Затем на съезде представителей монгольских областей, имевшем место в Хохокото с участием 500 делегатов, была декларирована независимость Монголии, как реставрация империи Чингиз-хана. На торжествах по сему случаю приняли участие монгольские князья и монгольская кавалерия, маньчжурские князья и японские военные части с танками.

По всей стране взвилось голубое монгольское знамя с красными, желтыми и белыми полосами. На ряду с ним развевались японские и маньчжурские знамена. Новая Монгольская Империя основана на принципах федерации. Всякая монгольская область, освобожденная от иноземного владычества и влияния будет присоединяться как федеративная единица к Монгольской Империи.

БОЛЬШЕВИЦКАЯ ПЕЧАТЬ О «КАГУЛЯРАХ»

Как легко можно себе представить, большевицкая печать открыла вокруг дела «кагуляров» настоящую свистопляску. Еще бы! Такой редкий предлог для того, чтобы изобразить французские правые круги «врагами народа», а коммунистов — «патриотами!».

Разумеется, инсинуация советских газет конкурирует лишь с провокационными сообщениями об «источниках» движения, при чем «Известия» даже не стоворились в точности с «Правдой»: первая газета указывает на «королевский дом» и «магнатов», вторая — на «Берлин» и «Рим».

Илья Эренбург, «спец» по европейским делам, проявив массу «остроумия» по адресу французских патриотов, в развязном тоне французского «доброжелателя», приходит к следующему за-

ключению («Известия» от 26 ноября):

«Не будет Франции мира, пока в Берлине Гитлер и в Риме Муссолини... Вот только один способ сохранить в мире мир: уничтожить фашизм».

Что и требовалось доказать.

Есть на свете люди, которые думают несколько иначе чем товарищ Эренбург: Гитлер и Муссолини или «расизм» и «фашизм» явились на свет именно как реакция против общего врага народов и мира: коммунизма - большевизма. Это факт, которого никакие Эренбурги не сумеют отрицать. Потому, правильное было бы формулировать опасения о будущности Франции и мира следующим образом:

«Не будет Франции и всему миру мира, пока Москва оплачивает Димитрова, а в Кремле сидит Сталин... Есть только один способ сохранить в мире мир: уничтожить большевизм».

Так мы будем более близки к истине.

ХРОНИКА

ГРУЗИЯ.

— Новым комиссаром здравоохранения назначен Онисим Шошадзе.

— «Неувязка» в бюро тифлисского комитета партии: Арутинов, Будинашвили и Каранадзе «освобождены» от звания членов бюро, и на их место введены Мамулов, Чубикидзе, Мильштейн и Кобулов. Вторым секретарем комитета избран Цховребалвали, третьим — Мамулов. Ушедшие, якобы «переходят на другую работу», но на какую — об этом «история умалчивает».

КАВКАЗЦЫ В ВЫСШИХ ОРГАНАХ

ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Кого из «наших» выбрали в разные органы Совета Союзом и Совета Национальностей? Вот список всех кавказцев, попавших в разные комиссии:

По Совету Национальностей.

1) Чимназ Асланова, азербайджанка, учительница по профессии, выбрана товарищем председателя Совета Национальностей.

2) Велибеков Риза, депутат от Вейливанского округа (Армения).

3) Али-Гусейнов Ага-Гусейн (Басум-Измайловский округ, Азербайджан).

4) Деканозов В. Г. (Ахалцхский округ, Грузия) — членами в Комиссию Законодательных Предложений.

5) Гусейнов Орудис (Галдяжинский округ, Азербайджан).

6) Хонтария, С. Г. (Гагринский округ, Абхазия) — в Бюджетную Комиссию.

7) Панян, М. П. (Степанаванский округ, Армения).

8) Вериков, П. А. (Тбилисского имени 26 коммунаров округа, Грузия) — в Комиссию по Иностранным делам.

По Совету Союза.

9) Бакрадзе, В. М. (Кутанский округ, Грузия) — в комиссию Законодательных Предложений.

10) Кулиев Шеймур (Сабирабадский ок-

руг, Азербайджан, он же председатель Совета Народных Комиссаров) — в Бюджетную Комиссию.

11) Берия, Л. П. (Тбилисско-Сталинский округ, Грузия, он же — секретарь грузинско-ЦК партии) — в комиссию по Иностранным делам.

СМЕРТЬ МУСЛИМА МАГОМАЕВА.

В Нальчике, после продолжительной болезни, скончался в конце июля Муслим Магомаев, известный азербайджанский композитор, автор опер «Шах Исмаил» и «Нергиз». Покойный будучи родом из Северного Кавказа, обосновался давно в Азербайджане и натурализовался. Похороны композитора были совершены на счет государства и семье выдано единовременное пособие в 3.000 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1938 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
5-ый год
издания
■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

„КАВКАЗ“

■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■
5-ый год
издания
■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■

Орган Независимой Национальной Мысли

Журнал ставит своей целью освобождение Кавказа от иноземной оккупации и образование независимого Кавказского государства на конфедеративных началах.

Считая, что политическая независимость Кавказа и культурно-экономическое его преуспеяние могут быть обеспечены только государством, построенным на принципе национальной солидарности, журнал будет вести неустанную борьбу против всех разлагающих и антinationальных сил и прежде всего против интернационализма и марксизма, как в большевицком, так и в меньшевицком его воплощениях.

Условия подписки:

	на год	на 6 мес.	на 3 мес.
ВО ФРАНЦИИ:	36 фр.	18 фр.	9 фр.
В ДРУГИХ СТРАНАХ:	38 фр.	19 фр.	9 фр. 50 с.

Адрес Редакции: Mr Haidar Bammate, 10, rue de Pléo, Paris (15°).